

Тина
Джель

4.8 РАЗВОДА
НЕ БУДЕТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тина Джель

Р.С.Развода не будет

<https://litres.ru/74694947>

SelfPub; 2026

Аннотация

День, который должен был стать самым счастливым в моей жизни, превратился в настоящий кошмар. Моей женой стала девушка лучшего друга.

И теперь мне предстоит выяснить, что это было: роковая случайность или чей-то продуманный план по устранению неуютной? Или неуютного?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	27
Глава 6	34
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	55
Глава 10	61
Глава 11	68
Глава 12	74
Глава 13	81
Глава 14	88
Глава 15	98
Глава 16	104
Глава 17	112
Глава 18	118
Глава 19	125
Глава 20	131
Глава 21	136
Глава 22	142
Конец ознакомительного фрагмента.	144

P.S.Развода не будет

ВНИМАНИЕ! Всё вымышлено, любые совпадение — случайность. События описанные в книге ни в коем случае не имеют намерений оскорбить или задеть чьи-либо чувства.

Глава 1

— Сделай кофе, я сейчас приду, — доносится из коридора голос мужа. Тон мягкий, тёплый, такой, каким он никогда со мной не разговаривал.

Грудь жечь начинает... Резко, без каких-либо на то предпосылок.

Он никогда не приводил домой шлюх. И вообще девиц домой не водил, нет у него такой привычки. Значит, что-то серьёзное.

Характерный звук шлепка ладонью по обнажённому участку тела, предположительно, заднице. Звонкий девичий смех следом...

Дыхание сбивается.

Знаю, что не имею права осуждать его или что-либо к нему чувствовать помимо благодарности. Муж и жена мы только на бумаге. Брак фиктивный. Мы оба этого не хотели, так получилось. Только от этого не легче.

Трясущимися руками нажимаю на кнопку кофемашины, чтобы обозначить своё присутствие.

Жужжание кофемолки вибрациями прокатывается по телу, словно дробит она сейчас не кофейные зёрна, а мои рёбра, о которые бешено долбит сердце.

Растираю грудь рукой, будто это поможет мне избавиться от дискомфорта. Жадно втягиваю в себя аромат свежесва-

ренного кофе. С некоторых пор тащусь от него...

И будто чуть отпускает.

Когда моё отношение к нему так сильно изменилось?

— Ой, кхм..., доброе утро... — раздаётся удивлённое за спиной.

Поворачиваю голову, всеми силами стараясь “сохранить лицо”. Под мужской рубашкой, накинутой на влажное тело, ничего нет. Соски призывно торчат.

Невысокая, миниатюрная. Не соплячка какая-то малолетняя, не модель, с которыми он привык развлекаться в свободное время. Симпатичная и, судя по осознанному взгляду карих глаз — не дура.

Всё более чем серьёзно...

— Доброе утро! — говорю, как можно приветливее. — Кофе? — показываю на только что наполненную чашку. — Могу сделать капучино...

— Э-э-э..., — тянет она неопределённо, переминаясь с ноги на ногу.

Похоже для неё моё присутствие ещё более неожиданно чем для меня.

— Ты чего в дверях стоишь? — муж неслышно подкрадывается к ней сзади. Берет за плечи с двух сторон.

Вздрагиваем обе.

Едва дыша наблюдаю: как он проводит рукой по её спине, нежно прикасается губами к её затылку, как вспыхивают её щёки.

Меня не замечает. Неудивительно. За много лет я настолько сжилась с ролью серой тени, что порою сама себя не замечаю, что уж о других говорить.

В первые годы мне это даже нравилось, так я его боялась. Но потом что-то случилось...

Всё сложнее стало переносить его присутствие рядом, всё болезненнее стало осознавать то, что в его жизни присутствуют другие женщины. Много других женщин. Успокаивала себя только тем, что они для него ничего не значат. Но эта девушка особенная, иначе он не привёл бы её в свой дом.

— О, привет! Ты когда приехала? — бросает он на меня мимолётный взгляд. И будто совсем не удивляется.

— Я звонила тебе, хотела предупредить, ты не отвечал, — вываливаю на него всё и сразу, оправдывая своё появление в его жизни в столь неподходящий момент.

Он быстро кивает, усаживает свою гостью на стул, сам садится на краешек стола. Смотрит вопросительно.

На нём одни спортивные штаны. В таком виде я видела его всего лишь раз. В тот роковой для нас обоих день, когда он спас меня, связав наши судьбы навсегда. За эти годы он совсем не изменился. В тридцать пять, благодаря спорту, без труда сохраняет юношеский облик.

В груди предательски бахает...

— Я не слышал, — равнодушно пожимает он плечами. — Думал, ты уехала...

Его равнодушие когда-нибудь меня убьёт. Он разве этого

не замечает?

— Мне позвонили...

— Кто? — чёрные глаза, под взглядом которых становится неуютно, впервые вспыхивают интересом.

— Ты же знаешь, что его отца не стало? — говорю загадками понятными только нам, не совсем понимая, что можно говорить при свидетелях, а чего нельзя.

— Инфаркт, знаю. Не мудрено, при его-то образе жизни....Легко отделался... — На лице ни одной эмоции. Ни волнения, ни злости, ни даже радости. Каменное изваяние.

О громком деле поселкового участкового, слышал, наверное, даже глухой. Взятки, превышение полномочий....самое простое, что я запомнила. Но я, конечно, верю, что муж не при чём. Стечение обстоятельств, не более...

— Так вот, его сын хочет со мной встретиться...— тороплюсь.

“Его сын” — моя первая любовь. Парень, которого я любила больше жизни, и который бросил меня на растерзание отморозков. До сих пор не понимаю, что это было: роковая случайность или коварный план его отца, которому я никогда не нравилась. Да это и понятно. Какому родителю понравится, когда единственный сын хочет взять в жёны дочь спившегося деревенского конюха и шлюхи?

— Ринат, может, представишь нас уже? — подаёт голос девушка до сего момента сидящая молча.

— Лейла, моя жена...— более чем спокойно.

— Жена?!

— Да... — подтверждает он, и смотрит в этот момент на меня. Долго. Пристально. И будто впервые не как на кухонный шкаф с посудой.

Сердце мучительно замирает в груди....

Мой муж — Дамиров Ринат. Младший отпрыск прокурора нашего города. Принципиальный, циничный, удачливый сукин сын.. Адвокат, который не проигрывает. Молодой, красивый, не хреново зарабатывает. От женщин отбоя нет.

Когда-то он спас меня от насильников. Потом — от позора.

Если сейчас он меня бросит, уверена, тот день мне вскоре раем покажется.

Вздрагиваю от грохота упавшего на пол стула.

Затаив дыхание, прислушиваюсь к удаляющемуся топоту босых ног по коридору.

Я испортила ему жизнь. Он меня ненавидит.

А Я — Люблю...

Глава 2

Вот те нате, хрен в томате...

Отдохнул, называется...

Вглядываюсь в лицо Лейлы и не могу понять, что с ней не так. Она как будто будто изменилась, другая стала... Это она вообще?

Никогда не понимал, что это чмо трусливое в ней нашёл — серая, очкастая мышь...

А тут на тебе! — без балахонов, которые она раньше носила, у неё даже что-то там есть, похоже...под одеждой...

Что ему от неё надо? Неужто покаяться решил? Любовь до гроба ведь была...Дураки оба...

Или что-то задумал?

Ладно, с ними потом разберёмся, сейчас как-то Ольгу надо успокоить.

Перевожу взгляд на свою рубашку, как раз в этот момент скрывшуюся за углом. поднимаю задницу со стола. Иду за ней.

Настигаю её уже в комнате, по которой она носится разъяренной фурией из угла в угол. Вещи собирает.

Дело дрянь, похоже.

И что делать теперь? Не хочу, чтобы она уходила. Нравится она мне. На отдых я сегодня настроился. Продуктивный.

Ольга стаскивает с себя мою рубашку через голову, де-

монстрируя мне без стеснения торчащие соски. Бросает её на пол, пинает под кровать со всей дури. Зыркает в мою сторону. Прицельно молниями стреляет на поражение. Отворачивается, и начинает джинсы на себя натягивать, виляя попой.

Когда впервые её увидел даже внимания не обратил. К тому же, есть такое понятие, как субординация и рабочая этика. Никогда личное и работу не смешивал. Все помощники, если они не мужики, дамы замужние, серьёзные, зрелого возраста, шашни на работе с коллегами не крутят. У меня с этим строго.

А с ней всё не по плану пошло. Сам не понял что и когда. “Пробежала искра” — как говорится.

Обычная, ничего особенного на первый взгляд. Невысокая, хрупкая. Короткие волосы, тёмные глаза...

А потом...

Умная, смелая, дерзкая, горячая ... Давно у меня таких не было. Первая девчонка за многие годы, которая взбодрила, вытащила наружу охотничий инстинкт, заставила окаменевшее сердце биться быстрее. Я уж и не надеялся...

Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...

Смотрю, как она забрасывает в сумку свои кремики-мазики. Неужели всё затолкает? — Легко!

Девка — огонь! Заводит нереально.

В паху дёргается. Разряд горячими импульсами бьёт по мышцам. Хочу...

Так-то по делу бесится, согласен, я бы тоже охренел, если бы меня так с утречка припечатали ...

Но это же ничего не значит, с Лейлой у нас ничего быть не может, жена она мне только на бумаге. Так получилось.

— Оль, — хватаю её за руку, когда она мимо пробегает. — Поговорим?

— Отвали Дамиров, — вырывается, но не так чтобы сильно. Скорее, делает вид.

Притягиваю её к себе, коль не сопротивляется. Всё должно быть по обоюдному согласию. Никакого насилия. Прижимаю к себе легонечко за талию, чтобы не только слышала, но и чувствовала то, что я сказать ей хочу.

— Оль, я не знал, что она приедет... — Отличное начало Дамиров! Десять из десяти!

И, судя по её ползущим на лоб бровям, она со мной полностью сейчас солидарна в этом вопросе.

— Мы не живём вместе, — опережаю её возмущения, вырывающиеся наружу пока ещё только нечленораздельными звуками.

Об этом моём большом секрете всего несколько человек знает. Только самые близкие друзья. Впервые посвящаю в него постороннего человека. Да ещё и женщину. И впервые моя несвобода мне как будто мешает...

— Как это не живёте?

Карие глаза с поволокой, цвета темного шоколада. Красивые. Умные. Глубокие. Давно в такие не заглядывал. Бал-

дею...

— Вот так, — пожимаю плечами.

— Нормально объясни, — не кричит, но интонацией давит. Девочка с характером. Умница.

Со временем хороший адвокат из неё получится. Подна-
таскаем.

— Оль, я же сказал, — не живём... Ну, она может приехать... Почему нет? Жена же... Ну приехала и приехала... К тебе это не относится. — Вроде не имбецил, но такую чушь порю, сам себе удивляюсь.

Но как ей вот сейчас объяснить, что к своей официальной жене пальцем ни разу не притронулся? По чесноку, я даже и не помнил, как она выглядит. Не рассматривал её никогда. Вот с той самой злополучной ночи, с которой всё это началось и не рассматривал. Сегодня впервые за долгое время посмотрел. Изменилась, с трудом узнал... Недавно друзья на ушко шепнули, что по телевизору её видели, нашёл ради интереса запись, — не признал в толпе. Все на одно лицо — костюмы, косы, глаза, уши... Семь сестёр-близняшек, блядь. *

— Дамиров! — во взгляде вызов нескрываемый. — Нет, я предполагала, конечно, что с совестью у тебя отношения натянутые, но чтобы до такой степени границы были размыты...

— Ты не права...

— Объясни по-человечески! — повышает голос.

— Машина, квартира, жить вместе... — включаю дурака.

С другими всегда прокатывало..

А с ней что-то не то.

Шоколад в её глазах покрывается блестящей плёнкой слёз. Нижняя губа подрагивать начинает. Нет, только не это. Только не слёзы...

— Оль, не уходи... — пытаюсь исправить косяк.

Только-только ведь нормальную девчонку нашёл.

— Нахрен пошёл! — шипит.

Щёку обжигает оплеуха. Смачная такая, с оттяжкой.

Точь в точь, как много лет назад...

Не держу её больше. Выпускаю из рук.

Рвано выдыхаю, когда зеркало на стене опасно дребезжит от грохота двери. Упираюсь ладонью в стену, голова сама собой лбом к ней прижимается, ища точку опоры.

Мозг, сука, начинает накидывать на передний план нарезку из запрещёнки...

Любовь нечаянно нагрянет, когда её совсем не ждёшь...

(музыка — Исаак Дунаевский, слова — Василий Лебедев-Кумач)

* “Семь сестёр-близняшек” — отсылка к танцу-легенде: “Семь девушек” Ансамбля народного танца имени Файзи Гаскарова

Глава 3

В волнующем предвкушении скорой встречи, дорога до неё всегда пролетала незаметно. Но сегодня день особенный....

Я сам должен ей обо всём рассказать, пока доброжелатели не донесли.

Уверен: поймёт, поверит, дождётся. Это ненадолго...

Девчонок в городе пруд пруди, на любой цвет и вкус, но только ни одной из них так и не получилось пустить корни в моём сердце. Только Амиру вижу своей женой и матерью своих детей. Только её хочу...

Время далеко полночь, деревня словно вымерла, даже собаки во дворах не гавкают, когда мимо пробегаю. Конец августа — пора для селян горячая, работают с утра до ночи, пока роса на поля не ляжет.

Прохладный по-осеннему уже ночной воздух насыщен ароматами свежескошенной травы, цветов, яблок... Сладкий, безумно вкусный. С непривычки, после города, голова кругом идёт. Хотя, чего греха таить, голова кругом идёт не из-за этого.

Есть на то другие причины.

— Ты, блядь, понимаешь, что натворил?! — в ушах всё ещё звенят слова отца.

— Нет, объясни? — мой невинный вопрос приводит его

в ярость.

Лицо отца покрывается багровыми пятнами негодования.

От звука удара кулака в стену, звенит не только посуда в шкафу, но и мои внутренности позвякивать начинают. Дребезжат, как старая разбитая телега.

Только старого бойца, голыми руками не взять. Отец тут же отряхивается, натягивая на лицо маску, стирая с лица абсолютно все эмоции.

Хотя старым его назвать, язык не поворачивается. В пятьдесят восемь, своей физической формой, фору даст многим молодым. Даже мне не всегда удаётся его на лопатки положить в спарринге, чего уж о других говорить.

— Изнасилование... — звучит, как приговор.

Сжимаю зубы до хруста, вытягиваясь в струнку, даю ему закончить:

— Ты понимаешь, что с тобой будет, если тебя посадят? И это я ещё молчу о том, что будет с матерью, со мной... с... — дальше идёт перечисление родственников: от старших братьев и до бесконечности...

Я прекрасно знаю, что грозит в тюрьме сыну высокопоставленного мента, если его привлекут по статье которой он меня пугает.

Но! КАКОЕ НАХРЕН ИЗНАСИЛОВАНИЕ!?

Я блядь, до неё пальцем не дотронулся... Любая экспертиза это может подтвердить.

Нет, пальцем дотронулся, конечно, но исключительно

чтобы осмотреть на предмет физических повреждений, не более.

Отец растирает грудь рукой, болезненно морщится, всем своим видом демонстрируя мне своё предынфарктное состояние, виной которому, естественно, являюсь я.

В челюсти что-то щёлкает, виски пронизывает острым колом. Молотить там начинает. Тем не менее стараюсь не обострять, зная его взрывной характер. Хотя насос кровь качает на предельно допустимой мощности.

Наигравшись в больного, отец идёт к шкафу, достаёт коньяк.

Ну да, так-то от любой болезни помогает, знаем, бывает и сами таким лечимся.

Жду когда он плеснёт в бокал лечебного эликсира, выпьет, и только после этого, открываю рот:

— Она девушка моего друга...

Я ведь до последнего дурак надеялся, что он вернётся, не бросит её, как-никак со школы вместе...

Морщусь, гаже, кажется, никогда в жизни себя ещё не чувствовал.

Как можно было так обосраться и не заметить за столько лет его ублюдочное трусливое нутро? Или что?

Мысль о том, что всё это действие было тщательно спланировано не даёт покоя, но зацепок — ноль!

— Три свидетеля, — отец с грохотом ставит бокал на стол. — Один из них — сын депутата... — его опять начинает по-

тряхивать. Коньяк не оправдал моих ожиданий. Подделка поди дешёвая... — Участковый... — продолжает он, а трести начинает уже меня.

— Третий? — задаю логичный вопрос, справившись с праведным гневом, разрывающим нутро на запчасти.

Во взгляде отца на мгновение проскальзывает растерянность. Но только на мгновение, он тут же берёт себя в руки.

— Два. Этого достаточно...

— Три. Ты сказал — три! Кто был третьим?

Двоих я знаю. Найду. Дело времени. А вот третьего — не признал в темноте, но очень хотелось бы знать, кто это был. С-сука...

— Ты серьёзно считаешь, что человек со сломаной рукой мог нанести ей такие телесные повреждения? — лицо отца вновь багровеет.

— Их было двое! — ору. Никогда не повышал голоса на отца. У нас такое не принято. Но в этот момент перестаю себя контролировать. Ору: — это я сломал ему руку... не считал...

Времени на раздумья не было, надо было девчонку спасать. Девчонку своего лучшего друга... Переборщил...

— Руку он сломал на тренировке, есть подтверждение... Неделю назад.

Что? — шок! Едва челюсть успел подхватить.

— Второго не было... — размазывает он меня окончательно своим заявлением по стене, к которой прислоняюсь спи-

ной.

И, как красна девица, готов с лёгкостью грохнуться в обморок. И только осознание того, что вряд ли мне это поможет в сложившейся ситуации, держит меня на ногах.

— Ну, то есть, мне ты не веришь? — последняя попытка достучаться. Сын я ему, или как?

Ноль реакции.

Так я и знал — приёмный! Бабушка поди меня в капусте нашла, выбросить жалко было, прибрали к рукам.

— Она готова дать показания... — говорю, уже ни на что особо не надеясь.

— А ты подумал о том, каково ей придется, если об этом кто-то узнает? Какая жизнь её ждёт?

— Уедет...она и не живёт здесь почти...— как предсмертная судорога.

Мне её по-человечески жаль. ТОЛЬКО ПРИЧЁМ ТУТ Я?!

И...И... самого страшного не произошло, отделалась испугом да несколькими синяками. До свадьбы заживёт.

— Свадьбу сыграем через месяц...— ошарашивает заявлением отец.

Это шутка такая?

— Невозможно, я сделал предложение другой...ты же знаешь...— осторожно напоминаю ему о своих планах.

Не то, чтобы отец был в восторге от моего выбора, не о такой жене для меня он мечтал. Но, стиснув зубы, согласился.

Амира — девочка из хорошей семьи, с безупречной репутацией, хоть и деревенская. Мама учительница, отец — сельский староста, тоже его однокласник, кстати, как и участковый.

— Поверь, это лучший выход для тебя в сложившейся ситуации ... Никто ни о чём не узнает... Я уже обо всём договорился. Выбора у тебя — нет! Не дури...

Глава 4

И пошло-поехало, как в анекдоте. Ещё бы кто сказал, где смеяться...

День, который должен был стать самым счастливым в моей жизни, превратился в кошмар.

Народу блядь, как на поминках, вся деревня собралась. Даже лежачие из местной больнички, кажется, приковыляли проводить меня в последний путь.

Перед глазами яркими пятнами десятки незнакомых лиц мелькают. Кто-то улыбается, кто-то плачет, кому-то насрать на молодых — он пожрать да выпить пришёл. Среди многочисленных тюбетеек и платков, в толпе нет-нет да и промелькнёт красная шапочка невесты.

Бывшей моего бывшего лучшего друга. Блядь.

Сюр какой-то...

Отхожу в сторону, подальше от этого балагана. Ослабляю узел на галстук. Башка трещит, глаза норовят из глазниц вывалиться. Так хреново никогда в жизни ещё себя не чувствовал.

Тяну носом воздух, всё ещё до конца не понимая, как я умудрился вляпаться в это дерьмо.

— Тебе идёт — выплывший из ниоткуда Мартин со стаканом в руке, наполненным мутной жидкостью, радостно щерясь, кивает на мой затылок.

С Мартином со школы дружим, в детстве часто со мной в деревню приезжал, со многими знаком. Свой, можно сказать, здесь.

Не сразу соображаю, что он имеет в виду.

— Ааа... — тяну, когда доходит. — Могу подарить. — Снимаю тюбетейку с головы. Совсем про неё забыл.

— Акерсону вон подари, — тычет пальцем в танцующих. Ржёт, как конь.

Ну чего бы не поржать, не его же женили против воли.

Перевожу взгляд.

Таптагон в самом разгаре. Гости по чесноку наплясывают богатство молодым. Хорошо вдатый уже глава местного Дома Культуры, разрывает вот уже несколько часов кряду, меха баяна. В эпицентре веселья — Акерсон, как всегда. Солирует под ручку с какой-то бабулей, кружа её в ритме залихватского танца.

Прочёсываю пятернёй стриженную макушку.

— У него есть уже. — Усмехаюсь.

Вспомнив как он, впервые приехав со мной в деревню, докопался до кумгана. Бабуля потом ему и кумган и тюбетейку, и ещё кучу всего подарила. Любимый друг теперь, любимого внука. Надеюсь, всё ещё любимого.

С Максом Акерсоном в одну школу мы не ходили, его вообще непонятно каким ветром к нам занесло. Дружба наша, по классике, началась — с драки. Начистил он мне тогда морду. С тех самых пор и дружим.

Глядя на него, тоже ржать начинаю. Вот уж кому на всё и всех — похрен! Бабулю мою вон теперь на танец вытаскивает...

Если бы не его синие глаза, доставшиеся ему в наследство от предков шведов, вполне мог бы за местного прокатить.

Водружаю тюбетейку на затылок, как дембель шапку.

— Поговорил с ней? — переходит Мартин к неудобным вопросам.

Морщусь.

— Ну, вот тогда...больше нет...— мямлю, как последняя размазня.

Голова непроизвольно дёргается, щека вспыхивает. Физически ощущаю оплеуху, которую она мне в тот самый день отвесила, когда я сообщил ей, что женюсь на другой...

Ну, так-то понятно всё, новость не из приятных была, но...

Тру щёку рукой.

— Отойдет. Разведешься и отойдет... — Мартин хлопает меня по плечу, в знак поддержки.

Благодарен, только оптимизма его не разделяю.

Но благодарен, да. Благодарен, что не бросили, приехали сразу, узнав о моём попадалове.

Будь они тогда в городе, возможно...

А что возможно?

Ну, не нарисовался бы я тогда такой красивый, что бы они с ней сделали? — представить страшно!

Знал бы, что так всё сложится, убежал бы? — Нет!

«Налево пойдёшь — коня потеряешь, направо пойдёшь — головы не сносить, прямо пойдёшь — пидорасом станешь».

Замкнутый круг...

— Нет, не дожётся ... — по рёбрам бахает. Кабздец больно, аж дыхание рвётся. Не отболело. Всё ещё не отболело. — Там непросто всё, — сглатываю вдруг ставшую вязкой, слюну. — Одного я нашёл, того, которому руку сломал — сын депутата, как отец и говорил. — Ухмыляюсь. — Ещё одного ты знаешь... А третий... хуй знает кто. Не признал в темноте. Лейла тоже говорит, что незнакомый, не видела его здесь никогда. Но и этих двоих вполне достаточно, чтобы понять масштаб катастрофы... — замолкаю. Добавить нечего. Всё итак предельно ясно.

Смотрю вдаль, где длиннющей бесконечной стеной, тянется тёмный высоченный лес.

Эх, сбежать бы сейчас туда, как в детстве. Наломать веток. Задымить костёр...

— А она ничего так...

— Кто? — не въезжаю.

— Жена твоя...

— Ты пьяный что ли? — наезжаю, когда въезжаю.

Всем известно: некрасивых женщин не бывает ...

Перевожу взгляд на помост, где под громкие улюлюкания и свист гостей моя новоиспеченная жена исполняет в этот

момент что-то невнятное. Размахивая нескладно ручками и притопывая ножками.

Ну бляха-муха, что нельзя было без этого обойтись? Давайте ещё с коромыслом нас за водой отправим.

— Никогда не понимал, что Рам в ней нашёл? — зло выплёвывая. — Маленькая забитая серая девочка!

Ничего не могу с собой поделать. Ненавижу!

— Вырастет, сколько ей?

— Девятнадцать...

— Посмотри на её мать... — прицельно ищу в толпе ту, о которой он говорит. — Это та самая? — уточняет через паузу.

Молодая стройная женщина, лет сорока с небольшим. Не знал бы, что она её мать, принял бы за старшую сестру.

Держится со статью королевы, несмотря на плохую репутацию среди селян. Подбородок горделиво вздёрнут. Улыбка с лица не сходит.

Мне она, кстати, показалась весьма приятной женщиной. Не заигрывала, хорошей казаться не пыталась, была собой.

Попросила помочь Лейле доучиться. Всё. Больше никаких просьб и условий.

Когда свататься к Амире ходил, отец её выкатил условий на несколько страниц.

А тут ничего, кроме:

“Я бы хотела, чтобы она доучилась, здесь ей жить не дадут, остальное сами решайте”.

Удивила.

— Да, та самая, — отвечаю с опозданием. — Которая секретарём местного старосты работает, недавно ребёнка родила, говорят, от него.

Таптагон — на жаргонном языке означает «танцы».

Кумган — Кувшин (узкогорлый сосуд с носиком) применяется для гигиенических процедур - мытья рук, умывания, омовения, ополаскивания тела, подмывания..

Глава 5

Я зачем ему это сказал?

Потираю рукой гладко выбритый по случаю торжества, подбородок. Смотрю на Мартина.

Только не надо мне вот сейчас говорить, что староста — это отец той самой девушки, на которой я мечтал жениться.

— Староста зато молодец... Не при чём... — говорит он.

По-другому, но говорит.

У Мартина на этот счёт свои законы — отец его уже давно на две семьи живёт не скрываясь. Только Амира здесь не причём. За грехи своего отца она ответственности не несёт. К тому же — это всего лишь, ничем не подтвержденные, слухи.

Ничего ему не отвечаю. Отворачиваюсь, ищу мать в толпе.

Все это время она молодцом держалась, улыбалась на людях, но я нет-нет да ловил взглядом её глаза полные слёз, отнюдь не от радости за меня.

Бабулю тоже подвёл, обещал ей правнуков.... А теперь когда?

Вместо матери, отца у края стола обнаруживаю. Стоит, наблюдает за всем этим великолепием, выражение лица — краше в гроб кладут. Пытается по-видимому, принять действительность.

Поймав меня в фокус — он жестко сжимает челюсти.

Что опять не так? Твоей карьере и репутации больше ничего не грозит.

Смотрю на него с вызовом.

Отец первым разрывает контакт, переводит взгляд в сторону.

Интуитивно следую за его взглядом.

Какого хрена?!

С шумом втягиваю в себя воздух через зубы.

Гимаем Айдар Азимович — местный участковый и, по совместительству, отец моего бывшего друга. Рамиль, или — Рам, как мы его между собой величаем, сегодня должен был находиться на моём месте. Но что-то пошло не так...

И он, блядь, идёт сейчас прямой наводкой на меня, растягивая свой рот в убудской улыбке.

Дергаюсь.

Глаза пелена застилает...

— Стоять! — негромко рычит Мартин, приводя меня в чувство своим рыком.

Застываю на месте, как вкопанный.

Сжимаю зубы. Натягиваю на лицо маску безразличия, но печка внутри на полную мощь шпарит, жар из под кожи паром валит.

— Поздравляю сынок! — хрен этот протягивает мне руку.

Морда красная, словно панцирь варёного рака. По вискам капельки пота текут.

Принял на грудь уже похоже. Хотя и в форме.

Я руки не подаю. Демонстративно засовываю сжатые кулаки в карманы брюк. В упор на него смотрю, перекатываясь с носков на пятки и обратно. Специально, чтобы нервничал.

Поиграв пухлыми пальчиками, он проводит рукой по шее, чешет затылок. Отступает на шаг, но не уходит.

Стреляет заплывшими жиром глазками на Мартина. Моргает. Переводит опять взгляд на меня. Смотрит пристально. Даже слишком. Будто надеется, что я сорвусь.

Нихрена. Нихрена не дождётся. Не оправдаю я его надежд.

— Я ж тебя Ринат с пелёнок знаю, ты мне как сын...
— промакивает заблестевшие глаза рукавом, тем же рукавом стирает капельки пота с висков. — Могила, — проводит пальцами по губам, типа замок застёгивает. — Никто никогда ничего не узнает...клянусь...

В ушах шумит.

Перед глазами, как наяву...

“Ночь улица, фонарь, аптека...”

Вернее...

Ночь, кусты, трясущаяся, как осиновый лист, Лейла, в моей рубашке накинутой поверх изодранной одежды. И я, бегающий с голым торсом и выпученными глазами по кустам, не понимая: то ли мне Лейлу в больницу тащить, то ли отморозков догонять.

Решение всех спорных вопросов взял на себя, оперативно прибывший на место преступления, участковый. Честь ему

и хвала!

И вот я уже законный муж дочери спившегося деревенского конюха и женщины, имеющей репутацию — шлюхи.

Из горла вырывается непроизвольный рык. Делаю шаг в его сторону...

— О, Айдар Азимович! Как поживаете? Как здоровье? Выглядите неважно... — втискивается между нами Акерсон. Нагло оттесняя меня в сторону.

Вспотевший, в нескромно расстегнутой почти до пупа белой рубашке. Бесстыдник! Куда бабуля там моя смотрит, разве можно деревенским бабушкам пузо голое показывать?

— Мы знакомы? Что-то не припомню... — Айдар Азимович, часто моргая, пялится в непривычно-синие глаза Акерсона.

Стирает тыльной стороной ладони капельки пота над верхней губой. Пальцы руки подрагивают.

Сука лживая. Я тебя Айдар, пожалуй, на десерт оставлю. Как и сына твоего. Займусь другими пока А ты живи и бойся! Вздрагивай от каждого шороха, вглядываясь в темноту ...

— Ну как же, мы брёвна с вашим сыном для плотов с пилорама вместе пиздили, вы нас потом ещё прикрыли... — Макс делает удивлённое лицо.

У Айдара Азимовича нервно дёргается глаз. Вспомнил, похоже, хоть и давненько дело было.

Брёвна на самом деле мы не пиздили. Не ставили перед собой такой задачи. Мы их просто позаимствовали на вре-

мя. Хотели покататься на плотах, по залитым водой во время половодья, лугам. Весь день трудились не покладая рук, каждому по плоту соорудили, но покататься на них нормально так и не успели. Стемнело, родители домой позвали. Вытащили мы свои корабли на сушу, а привязать их не додумались, ночью вода поднялась и унесла наши труды непосильные в неизвестном направлении.

Шум лесники тогда нехилый подняли. У меня до сих пор жопа горит, когда вспоминаю, как бабуля меня ремнём отходила, узнав о моих подвигах.

В тот самый день я с Рамом и познакомился.

Никто из родителей убытки покрыть не отказывался, но Айдар Азимович, зачем-то, дело это замял.

— А-а-а ... — блеет он, нервно дёргая плечом.

— Вспомнили? — расшаркивается по-клоунски перед ним Акерсон, вытаскивая руку из кармана.

Делает жест, будто поздороваться с ним хочет.

Айдар Азимович спешно тянет навстречу ему свою ладонь, но рука Акерсона вдруг совершенно неожиданно оказывается на моём плече, игнорируя повисшую в воздухе, одинокую ладонь участкового.

— Ты чего, как на похоронах, идём... — хлопает Акерсон меня по плечу, кивком показывая на стол. — Один раз живём...

“Capre diem” — всплывает в голове, как нельзя кстати.

Да гори оно всё синим пламенем!

Завтра, будет завтра...

У меня свадьба, как никак, хоть и с другой...

И...поправив на затылке тубетейку, иду в толпу гостей. Парни, пританцовывая, идут следом, прикрывая меня со спины, чтоб не убежал.

Выстраиваем в ряд рюмки на столе, наполняем всклянь. Опрокидываем в себя, невзирая на пристальный взгляд отца.

Развожу руки по сторонам, иду к танцующим, народ передо мной расступается. Начинает хлопать. Жених, как никак, явился, не абы кто.

Акерсон бабулю мою любимую под руку подхватывает. Она морщинистой рукой слёзинки с глаз смахивает. Всё понимает, Не обмануть её. Но идёт. Акерсона она любит.

Заглохшее было уже веселье, набирает вновь обороты. Гудеть сегодня до утра будем, как и положено на свадьбе. Если этот настил, мать его, не проломим, я не я буду...

— Не обижай девочку Ринат, она хорошая, — святой человек моя бабушка. Всех любит.

— Нет, конечно, — обнимаю её. Я ж не монстр, чтобы над девочками измываться.

Но любить я её не обязан.

Осматриваюсь по сторона, выискивая в толпе красную шапочку невесты.

Хрен знает, куда пропала. Вернётся, деваться ей некуда больше. Как и мне...

“Ночь, улица, фонарь, аптека...” — Александр Блок

Carpe diem (ка́рпэ ди́эм, с лат. — «лови момент») — устойчивое латинское выражение, означающее «живи настоящим», «лови мгновенье».

Впервые фраза встречается в «Оде к Левконое» (сб. Оды, I.11) Горация. Трактуются как призыв проживать каждый день с удовольствием, не откладывая полнокровную жизнь на неопределённое и неизвестное будущее.

Глава 6

Машинально поворачиваюсь лицом к окну, когда Ринат выходит из кухни. С силой сжав кулаки, впиваюсь ногтями в кожу ладоней, чтобы не разреветься от злости и обиды. Ему плевать на меня.

А чего собственно я хотела?! Что он выберет меня и наша фиктивная семья вдруг превратится в самую настоящую?

Размечталась! Никогда этого не случится...

Эта мысль причиняет боль. И я всё-таки всхлипываю.

Потерев глаза, и тяжело выдохнув, какое-то время тупо разглядываю берёзу за окном с уже проклёвывающимися первыми листочками. Отцвела почти, серёжки больше не золотятся. На очереди черёмуха.

Чтобы больше себя не мучить, решаю поехать к отцу, как всегда делаю, когда хочется побыть одной. Ещё и приснился он мне этой ночью. Не случилось бы чего.

В тот самый день я как раз ему днем помогала. Пастух у него тогда то ли заболел, то ли куда-то уехал. Не помню уже.

Конец августа. Не за горами осень. Берёзы снова наряжены в красивые сережки. Только это не цветы, как сейчас, а плоды, в которых зреют семена. Порывы ветра разнесут эти семена по земле, из них вырастут новые деревца. Новая березовая роща, как та, в которой мы все вместе когда-то любили гулять, когда я была ещё совсем малышкой.

Городские мажоры тестят свои крутые внедорожники на лугах, где обычно в это время пасутся лошади. После недельных ливней канавы да колдобины размыло. В некоторых всё ещё вода стоит. Громкий рёв моторов, ошмётки грязи из под колёс во все стороны. Из открытых окон слышится девичий визг, мат...

В норме своей, лошади не любят суеты, не любят громких звуков и визгливых криков.

Но наши не пугливы. Спокойные, терпеливые, с устойчивой психикой. Вполне нейтрально относятся и к шуму и к громким резким звукам и к непонятным движениям. Несмотря на то, что порода, в основном, предназначена для производства молока (кумыса) и мяса, лошадки наши славятся также своим мягким аллюром (разновидность бегущего шага). И при правильном подходе и воспитании им вполне можно доверить маленького ребёнка.

Я с пелёнок, можно сказать, верхом на лошади. Всё свободное время у папы в конюшне проводила. Было дело школу прогуливала. Получала, конечно, потом от мамы, но помогало это ненадолго. Обожала лошадей в детстве.

Мама до сих пор в шутку мои слова вспоминает:

“Мне нравится, как пахнешь ты мамуль, и лошадки...вкусно...” — как-то я ей сделала комплимент.

Она потом нюхала свои подмышки помню, и хохотала. Папа тоже смеялся. Он часто раньше смеялся. Причины их веселья я до конца тогда не понимала, но нам так хорошо было

всем вместе. Мы были безумно счастливы.

А потом что-то случилось с нами. Хотя начиналось всё просто фантастически, беды ничего не предвещало.

Папе новую работу предложили. Большое село. До города меньше часа на автобусе. Свой дом. Мама тоже без проблем себе работу сразу нашла. Новая современная школа. В Доме Культуры классный танцевальный коллектив. На меня впервые обратил внимание парень.

А потом...

Эти слухи про маму... Дома постоянные ссоры. Папа пить начал.

Только любовь меня тогда и спасала... Ну и лошади ещё.

В табуне много молодняка, много кобыл, которые ожеребились первый раз. Кобылы с жеребьятами непредсказуемы, могут быть очень опасны, если посчитают, что их малышу что-то угрожает. Для кобылы, как для любой матери, в такой ситуации не существует разделения среди нападающих, это может быть и миролюбивая, виляющая хвостом, собачка, грозный зверь, человек и даже ребёнок. Она не будет долго разбираться.

А у нас ещё и старшая лошадь — дама с характером. Помесь с “Арабом”. Папина любимица. В своё время он не дал её усыпить. Вылечил, вырастил, забрал с собой на новое место.

Заметив, что кобыла уши прижала к шее — явный признак недовольства, я напряглась. Но до последнего вмести-

ваться не хотела, надеялась, что пронесёт, ребята одумаются.

Отец попытался кобылу отогнать, сделал парням замечание. Даже не замечание, просто попросил их остановиться, чтобы отогнать табун в пролесок. Но просьба его действия не возымела, наоборот, ещё сильнее их раззадорила. Они словно обезумели, начали гонять лошадей по лугу...

Поняв, что “старшая” готовится на таран пойти, я понеслась ей наперерез. Успела, но случайно задела кончиком кнута бампер. Да ещё на эмоциях обозвала парней “придурками”.

Лошадей тогда мы всё-таки в пролесок отогнали, но взгляд тот убийственный, которым парень на меня посмотрел из своей крутой тачки, никогда не забуду.

Я не помню его внешность. Совсем не помню. Знаю только, что никогда не видела его раньше в деревне. Вот того, второго, видела, он частенько на танцах в клубе появлялся. Девчонок кадрил. А его — нет.

Но взгляд его тёмный, из миллиона узнаю, сколько бы лет ни прошло...

Участившееся сердцебиение вибрациями сотрясает мышцы тела. Воспоминания не из приятных. Прикрыв глаза, опираюсь руками на столешницу. Дышу.

И только хочу уже выйти, в коридоре шум слышится.

Жду пока хлопнет входная дверь, беру сумку, иду на выход.

У меня три выходных. Свою миссию я выполнила: сооб-

щила ему о том, что он должен знать, больше делать мне здесь нечего.

Пару лет назад, Ринат подарил мне автомобиль — “Mazda”. Не знаю почему и зачем. Я не просила. Однажды он просто передал мне с водителем пакет с документами и ключи. Молча. Без всяких комментариев. Куда хочешь, туда и девай. Что хочешь, то и делай.

Наверное, чтобы жена, хоть и фиктивная, соответствовала статусу мужа. А то мало ли, вдруг кто узнает, что я его жена, и ему неловко будет.

Хотя, вряд ли, он не из тех кому неловко бывает.

Права я потом сама получала: долго и нервно. С обслуживанием брат помогал поначалу, сейчас уже вроде и сама справляюсь. Пользуюсь неактивно, аккуратно, проблем никаких.

Сажусь в машину, на автомате начинаю прокручивать плейлист и понимаю, что совсем не понимаю чего хочу.

Вернее, ничего не хочу, так тошно.

Бросаю телефон на сиденье, завожусь.

Мне, по большому счёту, на жизнь грех жаловаться. У меня есть всё, о чём многие мечтают: квартира, машина, близкие живы-здоровы, работа, которая в удовольствие, а не в тягость. Да и денег он даст без проблем, если попрошу. Но я не прошу. Никогда. Сама зарабатываю.

Каждый раз себе об этом напоминаю, когда, в очередной раз жить не хочется после встречи с ним.

Перед открытыми воротами обнаруживаю гостью мужа, с которой он нас так нормально и не познакомил. Одна стоит. И, кажется, плачет.

Сердце в груди сжимается. Боль её мне понятна. Сама такая же дурочка с переулочка. Люблю того, кого любить не следует. Но сердцу ведь не прикажешь, оно не слушается никогда.

Растираю грудь рукой, чтобы облегчить болезненные ощущения.

Несколько секунд мешкаю, не понимая что делать. Но всё-таки подъезжаю к ней, открываю окно:

— Вас подвезти? — предлагаю.

Девушка недоуменно смотрит на меня, не узнаёт по-видимому.

Немудрено. Меня и собственный муж порою не узнаёт, мимо проходит.

— Я... — начинаю и не знаю, как продолжить, чтобы лишний раз её словами не ранить.

— Я узнала, — опережает она меня.

Надо же!

— Вам куда? Я могу подвезти.

— Вы правда не живёте вместе? — задаёт вопрос, который меньше всего мне хотелось бы сейчас услышать.

— Правда. — отвечаю сухо.

Непросто мне в этом признаваться но и врать нет смысла.

— Почему не разведётесь?

Я не знаю, что ей ответить. Сталкиваемся с ней взглядами. Пялимся друг на друга молча. Пауза затягивается.

— Спросите у Рината... — сдаюсь первой.

— Ясно... — выдыхает она не скрывая раздражения. — Я на такси, — демонстративно отворачивается.

Киваю её спине машинально, жму на газ, с рёвом срываясь с места.

Так больно, кажется, ещё никогда не было.

Примечание: в табунах у лошадей строгая иерархия. Лишь один жеребец может быть альфой. Он владеет гаремом и молодняком. Все жеребята — его “работа”. Суровые законы позволяют размножаться только сильнейшим. Но главной, тем не менее, является кобыла. Самая старшая, опытная и мудрая.

Глава 7

Я хорошо помню нашу первую встречу с Ринатом. В тот день мы с Гимаевым решили в кино сходить. Он ждал, когда я освобожусь после репетиции, сидел на подоконнике напротив танцевального класса. Время от времени заглядывая в стеклянную дверь, корчил рожи, смешил. Я исподтишка делала ему знаки, чтобы он так не делал, самой же приятно было его внимание.

Когда освободилась, они уже втроем у подоконника стояли, и он нас друг другу официально представил. Ринат даже не глянул на меня тогда — это я тоже хорошо помню. Кивнул равнодушно в пространство и переключился на свою девушку — Амиру. С ней я была знакома. Дочь местного старосты, умница и первая красавица на селе. Мама моя у её отца секретарём работала. В то время уже слухи по селу поползли, что их не только рабочие отношения связывают. Мне, конечно, неловко сразу стало, неудобно. Я разволновалась так, что не помню на какой фильм мы ходили.

Ночью потом долго заснуть не могла, о Ринате думала. Обидно почему-то было, что он меня весь вечер игнорировал, как на пустое место на меня смотрел. Даже когда мы прощались и Гимаев меня за руку тогда держал, Ринат на меня даже не глянул.

Вроде, какое мне дело до него, я так-то с его другом встре-

чаюсь, у нас серьёзно всё? А вот на тебе, задело так его равнодушие, что успокоиться полночи не могла.

За стеной плакала мама, папа куда-то ушёл в ночь, хлопнув дверью, а мне впервые было плевать на них. Я мечтала вырасти и стать такой же красивой, как Амира, чтобы крутые парни на меня больше не смотрели, как на пустое место.

Потом мы встречались иногда. Все вместе или так, на улице случайно. Я кивала ему, и взгляд сразу отводила. Взгляд его выдержать было непросто уже тогда. Правда взглядом своим он меня обычно не одаривал и никаких попыток завести разговор со мной тоже не предпринимал.

Что он имя моё запомнил, я узнала только в тот роковой для нас день...

Вливаюсь в плотный поток машин, заставляя себя сконцентрироваться на дороге. Попутно пытаюсь убедить себя в том, что нужно уже наконец принять приглашение коллеги и сходить с ним на ужин. Просто так. Сходить, развеяться, женщиной себя почувствовать. Сколько уже можно медитировать на недостигаемое, так ведь и умереть от тоски недолго.

Только более менее успокаиваюсь, мама звонит.

— Мам, я за рулём, перезвоню позже. Срочно? — тараторю, принимая звонок.

— Поговорить надо перезвони, — сама отключается.

Знает, что я не разговариваю во время движения даже с гарнитурой или на громкой связи. Не то чтобы я неуверенно себя за рулём чувствую, но всё, что мощностью свыше од-

ной лошадиной силы, вызывает у меня необъяснимый трепет, благоговение и почитание. В Ринате, похоже, тоже больше одной лошадиной силы, поэтому я такой беспомощной при нём себя и чувствую.

Даже усмехнуться от этой мысли получается, хотя внутренне и подбираюсь вся.

Мама у меня не паникерша, просто так просить перезвонить не будет. Если просит, значит, что-то важное хочет сообщить. Или спросить.

Включаю поворотник, начинаю перестраиваться, ориентируясь на заправку. Заодно и заправлюсь.

Родители развелись почти сразу после моей свадьбы. Я переехала. Братьев мама с собой забрала, отец не препятствовал. Рафа тогда ещё в школе учился, он на два года меня младше. Акилу же, ещё года не было. Мама так и не сказала никому, кто отец нашего младшенького. Но дом ей кто-то купил.

Залив полный бак, отъезжаю в сторону, выключаю двигатель. Набираю её.

— Все живы-здоровы? Бабушка как? — спрашиваю о главном.

Бабушка всю жизнь живёт с мамой, своей единственной дочерью. Муж у неё военным был, вскоре после свадьбы пропал без вести. Даже дочь свою не видел ни разу. Она замуж больше так и не вышла, всю жизнь мужа своего ждала, да так и не дождалась. Я очень её люблю, но иногда она бывает

действительно невыносимой. Даже я порою не выдерживаю, что уж про маму говорить, всю жизнь вместе. Недавно она у нас вдруг решила, что помирать ей пора. Легла и вставать не хочет. Даже в туалет.

— Не спрашивай, — мама реагирует на вопрос нервно.

— Так и лежит?

— Нет, встала, решила вчера, что я новое платье на её пенсию купила, убежала проверять, — прям вижу, как мама глаза закатывает. Прыскаю. — Я не поэтому тебя набрала. Ты где сейчас?

— У меня выходной сегодня, — не хочу говорить, что к папе еду.

— Я помню. Где сейчас, спрашиваю?

— К папе решила съездить, — признаюсь.

— Ты новости смотрела?

— Ты про Гимаева старшего что ли?

— Этой новости уже пару недель, я не про это...

Покопавшись в мозгах, ничего сильно интересного там не обнаруживаю, решаю уточнить:

— А что там? Я приехала же вчера. Сегодня с утра к Ринату ездила...

— И он ничего тебе не сказал?

Не до этого ему было. Занят он был. Сильно.

Злиться начинаю ни с того ни с сего.

— Нет. — отвечаю сухо.

— Шаму взяли...

В груди с такой силой бахает, что дёргаюсь, ударяясь о руль. Шиплю, резко откидываюсь на спинку кресла.

— Когда? — хриплю позорно.

Шама или Шамиль, тот, которому Ринат руку сломал в ту самую ночь. Я хорошо его помню. Это он меня держал, пока второй, тот, что с дьявольским взглядом, рвал на мне одежду...

От воспоминаний, воздух в лёгких заканчивается. Начиная шлёпать губами, как рыбка выброшенная на сушу. Во рту мгновенно пересыхает всё.

Шарю за сиденьем рукой, где обычно храню запасы воды. Цепляю бутылку за горлышко, но пальцы не подчиняются больше, одеревенели. Бутылка падает на пол, закатывается под кресло.

Разочарованно стону, провожая её взглядом...

— Лёль, что там у тебя? — не выдерживает мама.

— Вода упала, — отвечаю, саму трести начинает. — Мне Гимаев-младший звонил, — неожиданно признаюсь.

С той самой ночи, я словно имя его забыла, даже мысленно только по фамилии его называю.

— Чего хотел?

— Не знаю.

— Заедь-ка сейчас ко мне, поговорим спокойно.

— Завтра заеду... — отбиваю звонок.

Сейчас мне надо к папе. Не знаю зачем, но очень надо.

Глава 8

Ни секунды никогда не сомневалась в том, что Ринат будет мстить. Не просто пойдёт и морду набьёт всем причастным. Это он тоже умеет, если что. Только это слишком уж просто для таких как он, не интересно.

К тому же все знают, что людей следует либо ласкать, либо изничтожать, чтобы жить и ничего не бояться, ибо за малое зло человек может отомстить, а за большое — будет не в состоянии.

Ринат не торопился. Готовился. Долго, тщательно, полностью отключив эмоции.

Когда Амира вышла замуж за Гимаева-младшего, мы впервые с ним обсудили наши отношения. Ну, как обсудили, он спросил:

— Не против, если мы пока оставим всё без изменений?

Я сразу поняла, что он что-то задумал, но была не против. Времени тогда совсем немного прошло, страх темноты у меня всё ещё присутствовал. Без причины из дома не выходила, возвращалась домой по-возможности засветло. Рядом с ним же чувствовала себя спокойнее. Любви, конечно, никакой у меня к нему тогда ещё не было. Боялась его до чёртиков. Но вот это необъяснимое ощущение безопасности рядом с ним, оно всё собой перекрывало. А мне ничего больше и не нужно было.

У меня никаких условий не было. Кроме того, о чём просила мама, добавить мне было нечего. Его условия тоже были просты и понятны. Он меня содержит, защищает, в обиду никому не даёт. Я в деревне без него не появляюсь, имя его честное не компрометирую.

Ха-ха! Смешно.

Честное имя Дамирова Рината— бабника и ловеласа. Но чёрт же возьми, эта его слава, она как будто на руку ему играет.

На работе, кроме как в отделе кадров, никто не знает, что я замужем. Кольцо я не ношу. Ринат, кстати, чаще с кольцом появляется, не скрывает, что женат. Но, думаю, ему просто удобно так.

Он никогда меня не обижал. Игнорировал, не замечал, мог просто мимо пройти, не поздороваться, но обижать, в общепринятом понимании, — никогда. Даже голоса на меня никогда не повышал.

Первое время, я тогда ещё в колледже училась, мы в его однокомнатной квартире жили. Я спала в комнате, он на кухне, на полу. Он не неженка, и не избалованный мажор, как многие думают. Спорт с пелёнок, кадетское училище, армия, к жизни в суровых условиях как никто готов. В быту неприхотлив. Всё умеет. И приготовить и убратсья и рубашку погладить. Я, наверное, многих удивила бы если бы сказала, что его носки и трусы никогда не стирала. Не удостоил он меня такой чести...

Выжимаю педаль газа до упора.

Обычно я не превышаю скорость, но какая-то необъяснимая внутренняя тревога, заставляет меня сегодня гнать. Штрафов насобираю...

Ну да и хрен бы с ними...

Всё, что Дамиров Ринат имеет сейчас, заработано им честным, непосильным трудом. Империя, которую он построил, не свалилась ему на голову просто так за красивые глазки.

Глаза в которых я умудрилась потеряться...

Нет, известная фамилия и влиятельные родственники, безусловно, определённую роль сыграли. И, скорее всего, некоторые нужные двери именно благодаря им и открывались. Не каждому ведь расскажешь, что он с отцом не общается уже давно. Из-за меня, кстати.

Но это такие мелочи, по сравнению с тем, что он сам для своего процветания сделал.

Дамиров Ринат сегодня не просто успешный адвокат, но ещё и весьма небедный молодой человек. Всё, за что бы он ни взялся, приносит ему деньги. Даже своё хобби — дрифт-гонки, он превратил в успешный бизнес. И это только малая часть того, о чём я знаю.

Я иногда втихаря просматриваю видео, которые выкладывают его друзья. Знаю, что он гоняет на оранжевой “Тойоте Супра”. Дух захватывает, когда вижу что он на ней вытворяет. Круто!

Почти не общаясь, мы, тем не менее, так много маленьких

секретов друг о друге знаем. Связаны навсегда...

Не доезжая до указателя, снижаю скорость, ухожу на грунтовку.

Условие: никогда не ездить в деревню одной, я не раз уже нарушала. Но я всегда очень осторожна. Дом у отца немного поодаль от всех стоит. За ним лес да поля. Машину загоняю в сарай, чтобы не светить. По деревне не шлондаю. Приезжаю и уезжаю обычно затемно. Сегодня просто так получилось.

Езда со скоростью черепахи, немного раздражает. Но тут уж ничего не поделаешь, с такой-то дорогой.

Шама... Шама...

Пока ползу по едва заметным следам колёс между деревьев, пытаюсь вспомнить то, что я про него знаю. Останавливаться и смотреть новости, нет ни времени, ни желания. Я вообще старалась тот день не вспоминать. Поначалу сложно было. Даже к психологу ходила. Мама настояла. А потом, как-то всё затёрлось в памяти. Несколько раз видела его по телевизору — ровно.

Фото его отца, помню, в те времена на каждом столбе висели. Избранный представитель народа в органах законодательной власти — Каримов Марат. А у самого Шамы бизнес строительный вроде. Почему не нефть, газ? Папа не подсобил?

Что-то сердечко пошаливает.

Переживаю...

Надеюсь, Ринат знает, что делает. Люди непростые. Гима-

евы, по сравнению с ними, — мелочь пузатая.

Усмехаюсь.

Гимаев — младший, как и его отец, после женитьбы наел себе живот и превратился в жирного кабанчика с заплывшими глазками.

Как я могла в него влюбиться когда-то? Мечтала замуж за него выйти. Детей ему нарожать. Жить долго и счастливо и умереть в один день. Дурочка малолетняя...

Невероятной красоты виды, перетягивают внимание на себя. Сказать, что у нас красиво — ничего не сказать. Сказочной красоты места. Лес, заливные луга изумрудного цвета. Речка, голубой лентой извивается вдоль всего села, прячась где-то там, за холмами. В обычное время не глубокая, вброд можно перейти, зато по весне так разливается, что все луга затапливает. Это как раз на весенних каникулах обычно происходит. Сколько раз мы сапогами воду черпали — не счесть. По заднице получали, но всё-равно бежали по затопленным водой лугам побродить. На плотах покататься...

Дорога сужается до неприличных размеров, автомобиль со всех сторон лес густой обнимает. Скоро на месте буду.

Старожилы рассказывают, что раньше на этом месте и рысь могла на кабину запрыгнуть, но сейчас уже нет, прошли те времена. Все хищники ушли в глубь леса...

Подъезжаю к воротам, глушу мотор, никто меня встречать не выбегает, как это обычно бывает. Осматриваюсь по сторонам.

Показалось, что ворота не закрыты на задвижку изнутри. Выхожу, проверяю. Так и есть, просто прикрыты.

Засовываю два грязных пальца в рот, чтобы свистом обозначить своё присутствие.

Ни собачьего лая, ни приветственного ржания лошадей в ответ. Ни папы...

Торопился, забыл закрыть ворота?

На каком-то подсознательном уровне, начинаю делать всё очень тихо и аккуратно. Заталкиваю сумку под сиденье, ключи засовываю в карман. Хорошо, что на мне широкие джинсы, в ногу ничего впиваться не будет. Захлопываю дверь автомобиля. Не закрываю его, просто дверь хлопываю.

И, буквально на цыпочках, стараясь не издавать лишних звуков, крадусь в сарай.

В области солнечного сплетения скапливается необъяснимое напряжение.

Большие ворота в сарай тоже открыты, с каждым порывом ветра створки издают неприятный звук, стучаясь друг о друга.

Вхожу через дверь для людей.

На первый взгляд всё так же, как и всегда. Но всё же, будто что-то изменилось...

Скотину, как принято это в деревне, родители так и не завели. Только лошади да собаки. Ни тех ни других сейчас здесь нет. Непривычная тишина...

Нет, резкий выдох я улавливаю чётко. Замираю...

Слух улавливает ещё один резкий выдох, и сразу следом вдох.

— Пап, ты? — зову негромко.

Что ещё за игры в прятки среди бела дня?

Может, пьяный спит? — осеняет догадка.

— Папа, — зову громче, одновременно делая несколько шагов внутрь.

Если пьяный спит, я знаю где он может быть. Иду уже не скрываясь в направлении где мы обычно храним солому.

Не знаю, что я с ним сейчас сделаю. Он обещал мне не пить. Клялся...

Ворота громко хлопают с очередным порывом ветра, а перед моими глазами тень неожиданно вырастает.

Мерзкое липкое чувство страха ползёт вдоль позвоночника, заставляя напрячься всем телом.

Резко разворачиваюсь.

— Что ты здесь делаешь? — спрашиваю шепотом, чётко проговаривая, тем не менее, каждое слово.

Я столько о нём думала сегодня, что, кажется, не удивлена его появлению.

Но очки на носу запотевают. Картинка перед глазами плывёт.

Снимаю очки, вытираю их краем футболки. Пальцы почему-то подрагивают.

Зрение у меня с детства плохое. В обычной жизни предпочитаю очки. Это не всегда удобно, особенно зимой. Но лин-

зы раздражают чувствительную слизистую глаз, долго ходить в них не могу. И на операцию никак не решусь.

Водружаю очки на место, вскидываю на него взгляд.

“Как я могла влюбиться в это толстое нечто? — В очередной раз спрашиваю себя”.

— Поговорить пришёл, — вместе со словами, до меня долетает запах перегара.

Пьяный.

Его взгляд с моего лица, в этот момент сползает ниже, останавливается на груди.

Задерживаю дыхание.

— Не подходи... — выдыхаю, делая шаг назад.

— Скажи блядь своему уроду, чтобы он оставил нас в покое. Если бы я тогда не вызвал отца, они бы не оставили от тебя живого места, с-сука неблагодарная... — выплёвывает он в меня.

Меня начинает потряхивать.

— Пошёл вон отсюда... — шиплю. — Если бы ты не убежал тогда, поджав хвост, ничего бы не случилось, — его глаза превращаются в злобные щелки. Кулаки сжимаются. — Я всё Ринату расскажу! — от всколыхнувшегося внутри страха, допускаю тактическую ошибку.

— Да что ты знаешь о нём вообще... — цедит он сквозь зубы, приближаясь ко мне вплотную. Вскидывая руку так, будто хочет взять меня за горло.

Непроизвольно подбираюсь вся, готовясь дать отпор, но в

следующую секунду за спиной вдруг раздаётся папин рык:

— Отойди от неё...

Трезвый, отмечаю про себя.

— Думаешь, я не знаю, что у неё под одеждой? Она такая же шлюха, как и твоя жена...

Воздух вокруг начинает звенеть от напряжения, сжимая реальность до доли секунды, но уже через мгновение Гимаев падает навзничь, оглашая пространство истошным воплем...

Отталкиваю папу в сторону двумя руками, выдёргиваю из его рук вилы, и, трясущимися руками начинаю стирать с черенка его отпечатки...

Ещё не хватало, чтобы папа влип из-за меня в историю.

Глава 9

Одумалась, красавица...

Ухмыляюсь удовлетворённо, глядя на высветившееся на экране телефона имя.

Вот так всегда, блядь. Повыкобениваются, нервы помотают, а потом: “люблю, ни магу на всё согласная”.

Я уже перестроился, решил напряжение на автодроме снять, коль в постели покувыркаться не получилось. Там ещё сегодня и все наши собираются, будет чем заняться.

Неделя непростой выдалась, нервной. Шаму закрыли. Долго я к этому шёл. Готовился. Копал. Чтоб наверняка... Чтобы уже не поднялся...

Но эйфории от проделанной работы, нет. Дело пока ещё не закончено. Расслабляться рано. Надо просто сбросить накопившееся напряжение, обнулиться, чтобы дальше идти с пустой головой и чистой совестью.

Не тороплюсь отвечать, хоть звонку её и рад. Перспектива покувыркаться вечером — бодрит.

Включаю поворотник, начинаю перестраиваться в правый крайний ряд. Звонок обрывается.

Ладно, она не все. Были у неё причины для недовольства...

Сам перезваниваю:

— Привет, Оль, — отвечает сразу, не выёживается. — Не

успел, за рулём... — объясняю, не хочу обострять.

— Я кое-что сказать тебе сегодня хотела.

Небольшое напряжение в голосе присутствует. Волнуется, похоже. Надо бы помягче с ней.

— До вечера терпит? Я уехал уже...

— Нет, сейчас скажу...

— Давай, — соглашаюсь, мысленно матеря мудака, уткнувшегося в телефон и забывшего про педаль газа.

— Я беременна...

Что? — не до мудака становится.

— В смысле?

Мы вроде предохранялись. Не всегда с презервативами и ППА (прерванный половой акт) — не защита, но... Неожиданно как-то. Она там ничего не напутала?

— Сам погуглишь или объяснить, что это значит?

Язва!

— Я знаю, что это значит, читал, но информацию освежу, спасибо. — В груди что-то шевелиться начинает, какое-то необъяснимое волнение. — Сколько?

Вспоминаю, что показалось будто грудь у неё изменились. Стала чувствительной, налилась. Классной такой стала... Думал, перед месячными...

— Неважно. Я буду рожать, независимо от того, что ты по этому поводу думаешь.

Да я даже подумать пока не успел...

— Оль, я не собираюсь тебя на аборт отправлять. Просто

неожиданно...Давай встретимся сегодня, обсудим всё спокойно. Я не против, чтобы ты знала.

Я же не против? И бабушку обрадую, давно обещал...правнуков...

— Нет.

— В смысле, нет? Ребёнок мой?

— Да.

— Тогда какие игры, не понимаю...Встретимся, обсудим, решим.

— Личная встреча только после твоего развода, ребёнок мой.

Да ладно?!

— Оль, я тебя в больничке закрою и ребёнка ты вообще не увидишь, — перегибаю, но и она не права.

Шантажировать ребёнком...

Бью резко по тормозам, отбрасывая в сторону телефон, потому что какая-то соска бросается мне прямо под колёса на пешеходном переходе.

От злости волосы дыбом встают и не только на затылке.

— Жить надоело? — ору, выскакивая из машины.

Прибью, блядь. И закопаю где-нибудь собственноручно. Лопата в багажнике имеется. Злой я сегодня.

Она ещё и не убегает, бессмертной по-видимому себя считает. Стоит. таращится на меня во все глаза.

Наклоняюсь, присматриваюсь и меня буквально к месту прибивает прямым ясным взглядом каких-то совершенно

удивительных глаз. Они золотые у неё... Мать твою.

Или это свет так падает?

— У тебя всё нормально? — спрашиваю, внимательно рассматривая ту, что секунду назад прибить хотел.

Бледная. Губы подрагивают. По виску капелька пота стекает. Дышит тяжело.

Что-то не то с ней...

— Простите пожалуйста, задумалась... — отводит взгляд.

Пфф, нихрена себе, задумалась она.

— Подвезти? — предлагаю, продолжая разглядывать её лицо.

Паническая атака? Похоже...

— Нет, спасибо, — резко дёргается от меня в сторону, как от прокаженного и ломится на всех парах через дорогу. Благо там зелёный включили.

Я что так плохо выгляжу, что от меня девчонки шарахаются сегодня?

Наблюдаю за ней ещё несколько секунд, успокаивая нервного водителя на раритетном ВАЗ-2105, поднятой рукой, которому моя машина сильно мешает. Вроде не шатается, нормально идёт.

Ножки зачётные. Вот прям, что называется, от ушей.

Иду к своему “БМВ”.

Этот мудило, аж из окна выпрыгивает, так недоволен. Орёт, морда красная. Что, блядь, объехать ума не хватает? С трудом сдерживаюсь, чтобы не послать его.

Моим первым дрифт-каром как раз и был ВАЗ-2105. Собственными руками его собирал. От ВАЗа, правда, там только кузов остался. Но зато потом я нехило так за него выручил. Не как за “Жигацарь” *, конечно, но вполне прилично. До сих пор с ностальгией его вспоминаю...

Осматриваю ещё раз беглым взглядом раритет. Может, купить, вспомнить былое?

Ну его на хуй, уж больно нервный, пусть сам катается на своей развалюхе.

Меркурий, похоже, сегодня...ретроградный. Не только баб колбасит.

Трогаюсь с места неторопливо, возвращаясь мыслями к офигенным новостям.

Нет, на что она надеялась? Что она мне сказала, и я тут же побегу разводиться, плюнув на все дела?

Разводиться я, может, и побегу, ну уж точно не из-за её беременности. Я и без развода, если захочу, ребёнка у неё отберу. Она знает это прекрасно. Зачем лезть на рожон?

Прислушиваюсь к себе...

Никогда о детях не думал, не до детей было. Ощущения странные, непонятные. Описать их сейчас даже не могу. Волнуюсь, кажется. Аж вон руки вспотели.

Вытираю ладони о штаны.

Ребёнка, конечно, своего не брошу. Это даже не обсуждается.

Ладно, надо сейчас успокоиться и спокойно уже погово-

рить, чтобы не пороть горячку.

На повороте на автодром, тёща звонит.

Вот жопой чувствую, что-то хорошее мне сказать хочет...

* «Жигацарь», — ВАЗ 2105, 1999 года выпуска, на котором ездил популярный российский дрифтер Федор Воробьев. Машина была выставлена на продажу за 160 000 долларов.

Глава 10

Новостей хороших и без тёщи сегодня целая куча на голову свалилась. Но тёща же, как не ответить? Да и отношения у нас с ней нормальные.

Останавливаюсь...

Блядь, ехать было от силы минут сорок, а я уже часа два добираюсь...

— Слушаю... — официально. Любезничать настроения нет.

Хотя с дамами я любезен всегда. Со всеми, без исключения.

— Ринат, а ты где? — интересуется нескромно.

— По делам катаюсь. Что-то срочное у вас? — отношения, конечно, у нас хорошие, но не до такой же степени.

— Лейла пырнула Гимаева вилами, позвонила ментам, чистосердечно во всём призналась...

Лейла? Вилами?

Да она голоса ни на кого никогда не повышала, ходит вечно полы взглядом подтирает...

— Гульназ, — по имени тёщу называю, взрослые женщины такое обращение к себе любят. — Повисите-ка минуточку, звонок у меня параллельный...

Переключаюсь, звоню секретарю...

— У меня выходной сегодня, если вы вдруг забыли, Ринат

Муратович, — отчество моё в обращение, говорит о высшей степени недовольства.

Но Люция Ралифовна, единственный человек, кому могу доверить личные вопросы. Работает у меня со дня основания конторы. Высшее юридическое, когда-то подавала большие надежды на адвокатском поприще, похерила карьеру в пользу семьи. И, говорит, что ни разу об этом не пожалела. Счастлива...

— Люция Ралифовна, помню, но тут говорят, Лейла вилами кого-то пырнула, вопрос деликатный, сами понимаете, абы кому не доверить...

— Лейла? Боже! Несколько минут мне дайте...

По каким-то, неведомым мне причинам, к Лейле она относится очень трепетно...

Ну как же бедную, несчастную не пожалеть...

Переключаюсь на тещу.

— Что там случилось, подробнее расскажите, — спрашиваю, как можно спокойнее.

— Не знаю точно, что случилось. Разговаривала с ней, когда она к отцу собиралась, просила не ездить... Вот недавно совсем, позвонила, рассказала. Я ничего толком не поняла. В шоке... К тебе сразу...

— Она обещала мне там не появляться, — огрызаюсь.

Обещание, которое неоднократно нарушала.

— Ринат...

— Что Ринат? Она что маленькая девочка, не понимает,

что можно, а что нельзя, особенно сейчас?

— Да она даже и не знала, что Шаму взяли...

— Все знали, а она не знала?

Интернет пестрит новостями о громком деле сына депутата Шамиля Каримова... Она в каком мире вообще живёт?

— Да ты что не видишь что ли какая она? Глаза открой уже...

— Какая? — искренне недоумеваю, но добавить ничего не успеваю, да и желания углубляться особого нет. Переключаюсь на входящий звонок.

Не вежливо, но...

— Кошмар! — заряжает оптимизмом Люция Ралифовна, — бедная девочка...

— Что там? — не даю ей договорить.

— Пырнула, правда, и вместо того, чтобы тебе позвонить или хотя бы мне, позвонила дуручка ментам...

— На смерть хотя бы? — тру переносицу.

День-пиздень, похоже, набирает обороты.

— Ну и шуточки у вас Ринат... Нет, не насмерть, ногу проткнула...

— Жаль...

— Ну там ещё непонятно, кто его ткнул, отец утверждает, что он, Лейла на себя одеяло тащит... Отправлю сейчас кого-нибудь, чтоб забрали их...

— Не надо.

— В смысле, не надо?

— Пусть посидят немного, может, в следующий раз головой думать будут прежде чем вилы в руки брать...

— Ринат...

Да что опять Ринат?!

— Ну, скажите там, чтобы поаккуратнее с ними, но забирать не надо, сам заберу, как освобожусь. И подробности скиньте мне...

— Точно не надо?

— Точно...

— Ладно, отправлю кого-нибудь для подстраховки...

Ну кто бы сомневался.

Глаза, конечно, не закатываю, хотя очень хочется закатить... Или, хотя бы закрыть.

Отбиваю звонок, бросаю телефон на сиденье, открываю окно. Рёв мотора “Доджа” Акерсона, доносящийся с автодрома, запускает цепную реакцию в организме, способствуя выбросу ударной дозы адреналина в кровь. Начинает подколбашивать.

Барабаню пальцами по рулю, пытаюсь понять: в какую сторону бечь, и что делать.

Как эта замухрышка умудряется влипать в истории, стоит только на мгновение прикрыть глаза?! И не просто так, на красный проехала, а по крупному...

Феномен...

И момент-то каждый раз самый подходящий выбирает...

Исключительно благодаря ей, когда-то не женился на

Амире. Втянув меня в историю, Лейла на скорости всю мою жизнь на сто восемьдесят градусов развернула. Об Амире, не скучаю, кстати. Даже рад сейчас, что так с ней всё получилось. Судя по тому, как быстро она замуж потом вышла, ничего сильно большого и светлого она никогда ко мне и не испытывала. Да и я, на удивление, быстро её забыл...

Но сейчас-то, всё почти уже закончилось, я разводиться собрался, что она творит?

Ладно, ничего с ней за несколько часов не случится. Мимо зоркого ока Люции Ралифовны, муха без спроса не пролетит.

Решаю всё ж таки планов не менять и для начала снять напряжение. Завожусь, выруливаю на автодром и, как нельзя кстати, тёща, про которую я успел забыть, напоминает о себе звонком...

— Ринат, ты забыл про меня?

— Нет, нет, что вы... Неотложные рабочие вопросы, не успел перезвонить.

— Ты же заберёшь их?

— Занят пока, как освобожусь...

— Ты хочешь, чтобы я приехала и встала перед тобой на колени?

Это чистой воды шантаж.

Но я бы не отказался, если бы другая встала сейчас передо мной на колени, но она только ультиматумами разбрасывается.

— Гульназ, на концерт не хотите сходить?

— На какой концерт?

— Дворец Спорта, сегодня в восемь, сходите с пацанами, развейтесь.

— Ты издеваешься надо мной?

— Нет, конечно, планировал сам пойти, но теперь уже точно не получится...

Мне и без концерта, похоже, скучно не будет. Об Ольге, с которой планировал этот концерт посетить, стараюсь не думать.

— А, ну давай тогда, не откажусь.

— По билетам с вами свяжутся, сами договоритесь...

— Ринат... я надеюсь на тебя...

— Привет пацанам передавайте, — отключаюсь.

Стучу пальцами по рулю. Бабий бунт, блядь...

Завожусь, включаю музыку. первую попавшую под руку, прибавляю на полную мощь...

У меня горячая голова

Глаз-алмаз, сердце изо льда

Лови мой панич прямо из-за стола

Карты, чача, два ствола

Половина горы, половина моря

Как будто Пикассо нарисовал

Я вообще далёк от суеверия

Но никаких дел без доверия — долбит по ушам из динамиков.

И я, как прыщавый малолетка, ору что есть мочи, пытаюсь перекричать “Blizkey”.

Набираю скорость, резко разворачиваюсь, машину заносит, тащит юзом несколько метров. Кайф!

Пацанам по дороге напишу, что дела неотложные появились. Выжимаю педаль газа до упора, продолжая орать во всё горло:

У меня из окна видно вот такие горы

Если не понятно, наведи взгляд на мой город

У меня из окна видно вот такие горы

Братья ждут встречи, буду быстрее, чем на скорой

Вот такие горы

Наведи взгляд на мой город

Горы

Братья ждут встречи, буду быстрее, чем на скорой

Народ оборачивается, пялится на меня, как на сумасшедшего, уступает дорогу — похрен. Еду, ору... Успокаивает, на удивление.

Щас доеду, выпорю... Ремнём. По голой заднице. Чтоб неповадно было впредь мужа не слушаться...

В главе использованы слова из песни BLIZKEY — Горы.

Глава 11

На въезде в посёлок, музыку вырубая. Проорался, надеюсь, никого не убью. Около участка, меня ждёт уже чёрный “Ниссан Альмера” сотрудника. Заметив мою машину, парень открывает дверь. Делаю ему знак рукой, чтобы сидел на жопе ровно. Глушу мотор, сам к нему иду.

— Ты кого здесь возишь, ребёнка? — бросаю, двигая кресло, чтобы вытянуть ноги.

— Жена у меня невысокая.

— Тебе сколько? — молодой. Совсем недавно у нас работает. Жена...

— Двадцать шесть, — объявляет, немного смутившись.

А, ну так-то нормально. В двадцать шесть я тоже жениться планировал. Верил ещё в большую и светлую любовь, одну на всю жизнь. А после тридцати уже не особо и хочется. Большой и светлой не случилось, а без неё и так нормально...

— И ребёнок есть? — цепляю взглядом детское кресло.

— Есть, — счастливо улыбается, — дочка, шесть месяцев.

В груди непонятно свербить начинает. Мне тут сегодня про беременность сообщили.

Гашу эмоции, перехожу к делу:

— Что там у нас на нового участкового есть? — интересуюсь, попутно просматривая информацию.

Гимаев таки заявил, что это она его пырнула. Ну не пида-

рас, а? Так-то оно может и к лучшему, только не верю. Не верю, что Лейла может кому-то ногу проткнуть, мухи же не обидит.

Или я её не знаю?

Задумался даже.

— Несколько месяцев всего здесь, с тех пор как бывший участковый в больницу попал. Вроде вменяемый, но за дело вцепился, скучно ему по-видимому в этой дыре...

Пусть в цирк ходит... повеселится. Скучно ему...

— Что ещё, кроме того, что ему скучно. Тридцатник почти мужику... Увлечения, слабости...

Вряд ли понадобится, но мало ли, да и привычка много-летняя сказывается...

— Придерживается здорового образа жизни. Массаж там, баня-сауна... — усмехается.

А вот это уже интересно. Молодец парень, соображает. Нравится.

— Можешь, если что, на массаж к его любимой массажистке сходить, за счёт заведения, разрешаю...

— Да у меня жена, — пожимает плечами, — мне не надо...

А, ну да. Забыл.

— Ладно, жди в машине, через час не вернусь, звони Люции Ралифовне, — жду его кивка, чтобы убедиться, что понял. Выхожу.

Знаю это место, как свои пять пальцев. С Гимаевым-млад-

шим не раз в детстве тусили тут у его отца.

— О, Ринат Муратович! Добрый вечер! — встречает меня дружелюбный голос Раечки.

Сколько себя помню, столько она здесь и сидит секретарём. Участковый поменялся, а она всё такая же — неувядающая, пышущая здоровьем и с неизменным гнездом на голове. Люблю постоянных женщин.

— Раиса, прекрасно выглядите, — отвешиваю ей комплимент. Улыбаюсь, естественно.

— Ой, скажете тоже... — отмахивается она, но щёки алеют. Губы счастливо в улыбке растягиваются. — Эх, где мои семнадцать лет...

— Как новое начальство? — не даю ей углубиться в воспоминание.

Знаю, знаю, что помнит она, как я под стол пешком ходил. С памятью у неё всё в порядке.

— Не поняла пока, — переходит на шепот, — пока вроде не уволили, но жду. Новая метла знаете же, по-новому метёт... А я привыкла к этой работе, знаю всё, да и где я в деревне работу найду, а дома сидеть не хочется... Тут общение, люди живые...

— У себя? — перебиваю, иначе до утра не закончим.

— Ой! — испугано тарашится, — заболтала я вас... Это ужасно, конечно...

— Там они? — киваю подбородком в сторону кабинета участкового.

В котором несчетное количество раз в детстве бывал.

— Он просил никого не пускать.

— Скажете, что в туалет отлучились. Больше же никого сегодня тут нет? — оглядываюсь по сторонам.

Раиса несколько минут напряжённо думает, и, приняв решение в мою пользу, машет рукой, хватая кружку со стола и по-чесноку бежит в туалет.

— Я прочитаю сначала... — говорит Лейла, когда я открываю дверь. Без стука.

По центру кабинета старый обшарпанный стол стоит, такой же обшарпанный книжный шкаф, несколько, не первой свежести стульев, выстроились вдоль стены, куча папок с бумагами на полу. Из нового — чайник на холодильнике.

Стол из натурального дуба, прошлый участковый по-видимому унёс с собой. И шкаф. И кресло. И всё остальное. Хорошо, хоть новые окна и полы оставил.

Лейла сидит к входу спиной, в одной тоненькой водолазке, мышцы её спины заметно напрягаются на моё появление.

Окно открыто, жалюзи колышутся от ветра, стучат друг о друга. Ей не холодно вообще раздетой, на улице всё ещё не май месяц?

С торца стола сидит её отец. Глаза его, при виде меня, вспыхивают, губы дёргаются в подобии улыбки.

— Вы кто? — участковый, который перед моим появлением нависал над Лейлой, выпрямляется и оказывается почти одного роста со мной.

А я не маленький, метр девяносто шесть, на минуточку.

Лейла вытягивает мышцы спины, как будто от тяжести добавляется. Но не оборачивается. Выдержка, однако.

Достаю удостоверение, открываю, чуть приближаю к его глазам. Даю несколько минут посмотреть, переварить информацию.

— И... муж, — добавляю, когда он отрывает глаза от удостоверения и переводит взгляд на меня.

Подхожу к выстроенным в ряд вдоль стены стульям, осматриваю их, выбираю самый чистый, ставлю его рядом с Лейлой.

— Её? — показывает он пальцем, охренев не на шутку, судя по выражению лица.

— Да, Денис Витальевич, её, — беру со стола лист с показаниями, пробегаю по нему взглядом. — Что, опять эта сволочь до тебя домогалась? — интересуюсь у Лейлы таким тошнотворно-заботливым голосом, что аж самому блевануть захотелось.

Я почти рогоносец. Гимаеву — крышка. Ничего его больше не спасёт. Ни жена, ни дети. Лейлу буду пороть до красных рубцов на жопе...

Мне вот даже интересно сейчас: она сама это придумала или кто подсказал?

Лейла едва заметно кивает. Глаза распахивает. Нет, не глаза, — глазища. На пол лица блюдца. Длинные угольные ресницы взмывают вверх. Я смотрю на подрагивающие рес-

ницы и не могу понять... они у неё свои такие чёрные или это очки такой эффект дают? Приближаюсь к её лицу чуть ближе... А оправа-то у неё модная. Дорогая. На какие шиши она такие вещи себе покупает, если денег не берёт?

— Ринат М-м.. — отчество забыл, и это хорошо. Волнуется, значит.

— Минуту, Денис Витальевич, отвлекся. Показалось, что у жены на лице синяк, нет? Вам так не кажется? Дорогая, поверни-ка голову, вот так, чтобы свет падал. — Беру её за подбородок двумя пальцами, разворачиваю, чтобы свет из окна на скулу падал. — Ну, точно синяк, смотрите....

Пulseирующая венка на её шее того и гляди порвет тонкую кожу. Дико хочется её пальцем зажать, чтобы этого не случилось.

Щёчки Лейлы миленько так розовеют. Или это свет опять же?

Обожаю свою работу за разнообразие и неожиданные повороты. Ехал, прибить её хотел, а теперь вот сижу, веселюсь...

Лейла прикусывает губу, и, чуть приподнимая плечи, смотрит мне в глаза виновато, будто хочет сказать: “ извини, не хотела я, так получилось”.

Глава 12

Взгляд Рината изучающе ощупывает моё лицо. Пульс частит. Взгляд его выдержать непросто.

Я, честно говоря, в полном, диком, звенящем в ушах ужасе. Понятия не имею, что меня ждёт дальше, и как Ринат отреагирует на моё наплевательское отношение на наши с ним договорённости. Просчитать его шаги — невозможно. И если он меня сегодня отвезёт в лесок и прикопает там где-нибудь под развесистым деревом, даже сопротивляться не буду. Справедливая кара за всё то дерьмо, в которое он по моей милости вляпался. Опять.

Но какие у меня были варианты?

В тот момент о папе думала. Показалось, если буду настаивать, что Гимаев до меня домогался, а я вилами размахивала исключительно защищаясь, то шансов выкарабкаться из всего этого с наименьшими потерями, больше. Тем более, у нас с ним прошлое есть. Кто угодно может это подтвердить. Всё в сарае у нас произошло, мы там раньше часто с ним встречались, кстати. И звонил он мне опять же, зачем-то...

Мой подбородок безвольно падает, ударяясь о грудь, когда Ринат отпускает его.

Вздрагиваю всем телом. Вытягиваюсь в струнку, зажимая подрагивающие пальцы в кулаки.

Дальнейшие действия перед глазами фоном уже мелька-

ют...

Ринат звонит. Какой-то парень с бумагами прибегает, потом женщина заходит. Её я знаю, местная, сидит здесь с тех времён когда я ещё с Гимаевым-младшим шашни крутила.

Перезову взгляд на папу — молчит. Молодец.

А то поначалу никак заткнуть его не могла. Я — и всё тут! Хоть тресни!

Замолк только когда я ему сказала, что он имеет право отказаться от дачи показаний, потому что: “Никто не может свидетельствовать против себя и своих близких” — без понятия откуда это в моей голове взялось. Не уверена, что так оно и есть. Но подействовало. С того момента, как воды в рот набрал. Сидит насупившись. Голову в плечи вжал.

Понимание произошедшего догоняет не сразу, постепенно. Начинает подавливать своей тяжестью. С каждой секундой я всё в большем ужасе от себя самой. От последствий.

В какой-то момент вдруг становится холодно. Обнимаю себя руками, чтобы согреться. И вздрагиваю, когда Ринат накидывает на мои плечи свою куртку. Заворачиваюсь в неё, благодарно ему киваю.

Я бы поняла, если бы он не приехал. Но он здесь, рядом. Его присутствие вселяет надежду и уверенность в том, что всё будет хорошо. Не знаю почему. Но так всегда было. С той самой злополучной ночи. Объяснить это невозможно.

Спустя какое-то время, Ринат встаёт со стула и кивком головы показывает мне на дверь. Реагирую, только когда папа

подскакивает со своего места и рысцой мчит на выход. От долгого сидения, ноги занемели, чтобы не грохнуться придется схватиться за локоть Рината, который он мне любезно подставляет. Но выйдя на улицу руку отдёргиваю. Не стоит злоупотреблять его добротой. Он итак уже много для меня сделал.

— В машину идите, — даёт указания, протягивая мне ключи. Сам идёт к “Ниссану”, стоящему рядом.

Папу прошу сесть на переднее сиденье, он не возражает, шустро устраивается в кресле. Сама лезу назад. Волнение внутри нарастает растёт, сердце из груди того и гляди выпрыгнет.

Невидящим взглядом втыкаюсь в окно, пытаюсь собрать мысли в кучку и принять неизбежное коль уж изменить ничего не в силах. Но колотит так, что зубы лязгают друг о друга. Я опять его подставила...

— Ну, что жена, рога мне наставляешь? — летит в мою сторону, как только трогаемся с места.

Невольно вскидываю взгляд, и вспыхиваю, столкнувшись с его глазами в зеркале.

Я ведь специально назад села, чтобы подальше от него, а получилось только хуже. Насквозь меня своим взглядом прожигает.

Прикусываю щёку изнутри, с трудом сдерживая дрожь в теле.

— Ринат, всё не так...ты не подумай...— встаёт на мою

защиту папа, пока я растерянно пытаюсь проанализировать смысл сказанного.

— Тихо, я с женой разговариваю, — обрывает его Ринат. Не грубо вроде, но так, что папа замолкает на полуслове, поперхнувшись и закашлявшись.

Боюсь представить себе, что ждёт меня сегодня вечером. Сгинуть бесследно в лесочке, может быть лучшим выходом из всех возможных в сложившейся ситуации.

Вся деревня поди уже косточки нам перетирает — дочь по стопам матери пошла, наставляет мужу рога...

Щёки вспыхивают. Сердце отчаянно молотит о рёбра, перекрывая доступ кислорода.

Вдохнуть нормально получается только когда взгляд Рината из зеркала исчезает, переключаясь с меня на дорогу.

— И что это за фингал у тебя под глазом, а? — заставляет он меня опять вздрогнуть, прилипая к моей щеке взглядом.

— Это я ... — опережает меня папа.

— Ты?! — переводит на него взгляд Ринат.

А я делаю глубокий вдох, пользуясь передышкой.

— Я, — подтверждает папа, — вилы у неё выдёргивал, нечаянно черенком шандарахнул...

— Бойцы невидимого фронта... — “блядь” — читаю по губам.

Перевожу опять взгляд в окно. Сумерки. Время, в которое мои внутренние демоны и страхи по-прежнему вырываются наружу, чтобы меня помучить.

Надо будет посетить психотерапевта. После сегодняшнего дня опять надо.

Делаю очередной судорожный вдох, борясь с удушьем.

— Приехали, — сообщает Ринат, останавливаясь напротив светящейся вывески единственного в селе супермаркета.
— Выходим...

Смаргиваю, гоня прочь тягостные мысли.

— Зачем? — идиотский вопрос.

— За продуктами, конечно, зачем ещё в магазин ходят...

— А... — соглашаюсь, продолжая сидеть на жопе ровно, вглядываясь в лица людей собравшихся у входа в магазин, которые в этот момент, все, как один, повернули головы в нашу сторону. — Выходи давай... — Ринат открывает мне дверь, кивком головы приглашая на выход.

Мы никогда с ним вместе в магазин за продуктами не ходили. У него что продуктов дома нет? Быть такого не может!

— А дома ты не можешь сходить или один? — нет никакого желания рисоваться перед толпой сейчас.

Мне тупо страшно.

— Где ты была последний час, расскажешь? — Ринат чуть наклоняет голову на бок, щурится, а я не могу понять чего он от меня услышать хочет. Молчу поэтому. Моргаю. — Тебя под подписку о невыезде отпустили, под мою ответственность. Так что, теперь мы здесь с тобой живём... Ты же не будешь меня голодом морить? — объясняет подробно, как дурочке.

Я вроде это поняла, но как-то по-другому всё это себе представляла. Я не могу надолго. У меня работа.

— А когда можно будет? — сейчас он меня прибьёт.

— Что можно будет?

— Уехать...

— Не знаю, — качает он головой. Тяжело вздыхает. — Это не от меня теперь зависит.

Врёт! Врёт и не краснеет. Он же Дамиров! Все знают, что он не проигрывает, если за дело берётся. А он же взялся?

— Мне на работу... — лепечу.

— Ну так в следующий раз, прежде чем свидания на сеновале назначать, думать будешь...

Он серьёзно мне это сейчас заявляет?

Кровь в голову ударяет, пульс начинает в висках ритм отстукивать.

Он же не мог подумать, что это я назначила встречу Ги-маеву в сарае?

Или мог?

Таращусь на него во все глаза.

— Выходи... — наклоняется он к моему лицу. — Говорят, сейчас у нас острый дефицит клоунов образовался, пусть народ повеселится...

Охренеть!

Он что, смеется?

Выпрыгиваю из машины. Ринат берёт меня за руку. Я восхищаюсь им в очередной раз.

Папа бы на его месте носа из дома не высунул после такого. Сидел бы где-нибудь с бутылкой в обнимку, судьбу свою незавидную оплакивал. А Ринату на всех плевать. Что для других — смерть, для него — благо! Чем громче кричат о его похождениях, тем больше баб вокруг него вьётся.

На нашей свадьбе, помню, я чуть со стыда не умерла, думала постоянно о том, что все гости знают, по какой причине он на мне женился. А ему будто похрен на всех было. Они с друзьями такое шоу устроили, до утра куролесили. Вся деревня потом ещё несколько месяцев нашу свадьбу обсуждала. Все девчонки мне завидовали. Замухрышка, дочь падшей женщины и спившегося конюха такого жениха себе отхватила...

Мы впервые идём с ним вместе в магазин. Он держит меня за руку. Его ладонь такая горячая, что мои заледеневшие пальцы вмиг согреваются. На мне его куртка. От неё безумно вкусно пахнет Ринатом.

Дыхание то и дело сбивается от переполняющих меня эмоций. Перед глазами плывёт. Плевать на всех, когда он рядом...

— Добрый вечер! — громко приветствует зрителей Ринат, открывая мне дверь.

Он великолепен.

Глава 13

Невероятное облегчение чувствую, когда в дом входим. Проще пару раз огород лопатой перекопать чем с Ринатом по магазинам ходить под пристальными взглядами десятков односельчан.

У всех разом дома закончился хлеб, коровы перестали давать молоко, и все ломанулись в единственный супермаркет деревни, создав на кассе невиданную доселе очередь.

Магазин за вечер сделал недельную выручку.

Прикладываю одну ладонь к всё ещё пылающей щеке, пальцем второй показываю папе в направлении кухни, чтобы он отнес туда пакеты с продуктами. Иду в свою комнату, переодеться. Ринат с папой уж как-нибудь сами разберутся, не маленькие, а мне надо выдохнуть, да в себя немного прийти.

Пока иду, углы разглядываю, чтобы ничего лишнего не валялось, гость как-никак у нас сегодня в доме. Дорогой.

Для мужчины, который один живёт, у папы довольно чисто, если не присматриваться, конечно. А если присмотреться: в углах и на мебели пыль, вещи кое-где разбросаны, к ногам мусор прилипает. Всегда, когда приезжаю к нему, первым делом, убираюсь и что-нибудь вкусненькое готовлю. Сам-то ведь он ленится, хоть и умеет. Да это и понятно, я тоже для себя бывает неделями не готовлю ничего, полуфабрикатами перебиваюсь. Для себя ведь не особо и хочется...

В комнату вхожу, вдруг мысль осеняет: где Ринат будет спать?

Дом не маленький, только у братьев в комнате кровати узкие, для такого лося, как Ринат, маловаты будут. У меня кровать большая. В комнате родителей ещё.

Я так-то и на узкой поспать могу, папа может и не заметить, он у нас такой, летящий немного.

Морщусь.

Папа вполне может и догадываться, что мы с Ринатом не живём вместе, просто виду не показывать. Он же не дурак, прикидывается только.

Надеюсь, это всё надолго не затянется, мне через два дня на работу. У нас с пропусками строго, церемониться никто не будет, быстро во второй состав отправят. И будешь потом опять по деревням да сёлам с концертами всё лето кататься вместо заграниц, как в первые годы.

Ладно, накормлю, напою, может добрее станет, попробую поговорить.

Натягиваю леггинсы, спортивный топ, сверху длинную футболку. Закручиваю в тугую гульку волосы. Вещи убираю в шкаф. Иду готовить. Убираться потом буду, сначала надо решить чем мужиков накормить.

— Вот не могли подождать?! — хлопаю себя ладошками по бёдрам, глядя на разбросанные по столу пластиковые упаковки от нарезок, хлебные крошки, открытую банку с соленьями.

Я тоже так-то голодная и ничего, — терплю.

Упираю руки в бока, смотрю на бардак на столе и вдруг смешно становится: “ну, так-то разобрались, че...”.

Со стола убираю уже мурлыча себе под нос какую-то незамысловатую мелодию. И решаю вдруг растопить печь. Газовая плита у нас есть, но мясо в печи намного вкуснее получается, а мне же хочется впечатление произвести на гостя. Сгладить острые углы.

Продуктами мы затарились будто и правда месяц здесь жить собираемся. “Синюю птицу”, что в супермаркете продаётся, Ринат, оказывается, не ест. Вот кто бы знал?! Пришлось ехать за мясом отдельно.

Разобрав пакеты с продуктами и сложив всё необходимое на стол, иду на улицу за дровами.

— Давай Наиль, смелее, а то нагреется невкусной будет...

— слышится из открытой двери в зал голос Рината.

Это он о чём?

— Ещё по одной и расскажешь мне, как Лейла умудрилась

Гимаеву ногу вилами проткнуть...

Что за следственный эксперимент без моего ведома?

Подкрадываюсь тихонечко к двери, заглядываю внутрь.

Ёкарный бабай! Да они бухают сидят!

— Папа не пьёт! — противно взвизгиваю, когда Ринат, ловко опрокинув в себя рюмку водки, ставит её на стол.

— Цыц, женщина, — говорит он мне, выдохнув. — Занимайся-ка пока своими делами, не мешай нам. — Спокойно

делает себе бутер, закусывает. — С тобой у нас отдельная беседа будет... без свидетелей...

Сердце в груди: тыг-дык, тыг-дык.

Перевожу взгляд на папу, который, виновато на меня глянув, повторяет тот же трюк что и Ринат, зараза такая.

Для меня, вид выпивающего папы, как красная тряпка для быка. По ощущениям глаза кровью наливаются. Руки в кулаки сами собой сжимаются.

Я столько сил потратила, столько нервных клеток угробила безвозвратно, чтобы вытащить папу из того запойного состояния, в котором он после развода пребывал, а тут пришёл Ринат и одним махом мне всё перечеркнул.

От бессилия и злости начинает потряхивать.

Зато Ринат, более чем, спокоен. Привычно меня игнорируя, разливает водку по рюмкам.

— Дзынь, — говорит он, дотрагиваясь до папиной, словно насмехаясь надо мной.

Папа тоже на меня больше не смотрит. Почти бутылку уже вылакали на двоих...

Хлопаю дверью так, что стёкла в окнах звенят. Дверь, после удара, отскакивает, распахиваясь вновь.

— Ничего себе...ангелочек ... — реагирует на мой демарш Ринат, чем ещё сильнее меня злит.

Припечатываю дверь пяткой, держу её несколько минут, чтобы она уже точно не открылась.

— Чтоб глаза мои вас не видели! — рычу от бешенства

и бессилия.

Кроме как рычать, что я могу? — ни-че-го!

Я ему никто. Ещё и благодарна должна быть за то, что приехал.

Могу их спать сегодня вместе положить, пусть дышат друг на друга перегаром. Вот, что я могу!

На улице дров набираю столько, что еле волоку. Коленки подгибаются, руки отваливаются, зато мозг переключается на преодоление искусственно созданных трудностей.

А уж вид горящих поленьев, когда огонь разжигаю, успокаивает окончательно.

Раньше мы с Рафой часто сидели вечером у печки, пока мама или бабушка готовили. Смотрели на огонь, рассказывали друг другу страшилки. Иногда бабушка или родители к нам подключались...

Хорошо было. В детстве. Пока сюда не переехали...

Даю себе мысленно волшебный пендель, чтобы взбодриться, и иду готовить. Я когда с Ринатом в маленькой его квартирке жила, часто готовила. Он, наверное, не догадывался, но готовила я для него и только то, что он любил. И, кажется, ему нравилась моя стряпня. Хвалить не хвалил, но спасибо говорил всегда.

Пока мясо подготавливаю, маме набираю — звонки проходят, но отвечать она мне не особо торопится.

Только хочу Рафу набрать, сообщение от мамы приходит: “Ринат написал, что забрал вас. Позвоню позже, мы на

концерте”

“На каком концерте?”

Почему я не в курсе?

“Ринат отправил нервы успокоить”

Да? А почему меня не отправил? Мне тоже надо нервы успокоить так-то. Они у меня ни к чёрту, нервы эти. Завожуь опять.

“Они бухают!” — жалуюсь.

Не одной же мне страдать.

“Пусть расслабятся мужики, не мешай им, тебе меньше достанется”.

Моя мама...

Как она умудряется быть всегда на позитиве при всех её проблемах? Мне бы так...

Делаю себе чай, бутерброды, забираюсь с ногами на стул. Глаз цепляет папин старый фотоальбом, на подоконнике. Поди смотрел, когда один был, тосковал, на место не отнес.

Вставать не хочется, наклоняюсь, цепляю его пальцами, тяну на себя. Из альбома вылетает не прикрепленная фотография и, кружась, мягко ложится на пол. С фотографии на меня смотрят большие, на пол-лица глаза, то ли папиного дяди, то ли какого-то брата, которого я ни разу не видела.

Наклоняюсь ближе, присматриваюсь...

Молодой парень, с огромными глазами, как у Акила, нашего младшенького, который ни на кого из нас не похож. Ни на маму, ни на бабушку... Да вообще ни на кого из наших,

кого я знаю.

А какие глаза у старосты? У Амиры большие, красивые. Ринат же не просто так её выбрал когда-то. А у отца её какие глаза?

Размышления прерывает шум в коридоре одновременно с ожившим на столе телефоном. Бросаю взгляд на экран — коллега звонит. Выключаю звук и переворачиваю телефон экраном вниз. Перезвоню потом. Достал он меня уже немного.

Быстро поднимаю с пола фото, прячу её в альбом, и, подойдя к двери, выглядываю тихонечко в коридор.

Кого это нелегкая принесла?

Глава 14

В коридоре нет никого, только тапочки на коврике... женские.

Захлопываю резко дверь. Зажмуриваюсь.

Чёрт возьми! Зулечка прибежала, бабушка Рината.

Позорищееее...

Бабушка его — самый светлый и чистый человек, каких я когда-либо в своей жизни встречала. Она единственная на всём белом свете, кто безоговорочно верит в наш брак, невзирая на слухи. Единственная из его родственников, кто принял меня с распростертыми объятиями сразу и ни разу, за прошедшие годы, не поменял своего мнения. С его старшими братьями я не общаюсь. Недолгобливают они меня. Отца его боюсь, как огня. Хорошо ещё, что общаться с ним нет необходимости. Ринат и сам-то с ним все контакты практически оборвал. Непримиримые разногласия у них. Из всех его родственников с мамой его созваниваюсь, ну и с Зулечкой.

Захожу к ней всегда, когда приезжаю. Помогаю чем могу, подарки передаю, говорю, что от нас, не хочу чтобы она лишний раз переживала. Нельзя ей переживать, возраст уже солидный, хотя шустряя...

Правнуков ждёт от нас. В открытую не говорит, но намекает. Я делаю вид, что не понимаю её намёков, рассказываю

ей про работу. Что вот ещё несколько годков поработаю, а потом можно будет и в декрет лет на шесть уйти, а там и до пенсии недалеко, если ничего не поменяют за это время и не вынудят танцоров с палочкой на сцену выходить.

А что, есть у нас и такие. Еле ходят, а хрен выгонишь. Родственники потому что чейные-то.

И каждый раз, когда встречаюсь с ней, начинаю верить, что всё у нас с Ринатом по-настоящему.

Эта многолетняя жизнь во лжи, она затягивает. Постоянное вранье...себе, другим. Иногда вживаешься в роль настолько, что перестаёшь понимать: где правда, а где ложь...

Как я буду ей в глаза смотреть?

Прижимаюсь ухом к замочной скважине, задерживаю дыхание, чтобы ничего помех не создавало — нифига не слышно.

Зато звук пляшущего от вибрации на столе телефона слышно, наверное, даже на улице.

Как человек-паук, в прыжке, оказываюсь у стола, на котором лежит телефон. И, глянув на экран, автоматически принимаю звонок от коллеги. Не вовремя, но...

— Чего тебе? — спрашиваю шепотом, параллельно снимая крышку с кипящей вовсю уже кастрюли.

Шиплю, обжегшись, хватаюсь пальцами за мочку уха.

Прошляпила пока в разведчика игралась, ещё немного и удивлять гостя дорогого было бы нечем.

— Лёльк, ты где? — почему-то тоже шёпотом спрашивает

Рустам.

— В деревне...

— У тебя нормально всё?

— А что?

— Голос такой...

— А, бабушка спит, — врать я умею. — А ты чего хотел?

— Мы с тобой встретиться договаривались?

— Да? — искренне удивляюсь.

— Ну да, вот звоню уточнить...

— Рустам, я сказала: подумаю...

— Ну так весь день думала, вечер уже... — рука с шумовой зависает над кастрюлей.

Это я дура такая или с мужиками что-то не то творится?

— Один не видит ничего, второй видит слишком много.

Мне однозначно нужен врач, самой с такой сложной задачей уже не справиться. Вот выпустят из заточения и займусь сразу же этим вопросом.

— Рустам, у меня это... обстоятельства, у папы помощник уехал... по делам, он попросил меня помочь. Я тут на три дня зависла... — продолжаю отчаянно врать и даже не краснею.

— А давай я в деревню к тебе приеду, я в детстве занимался немного, умею...

— Ай! — взвизгиваю, брызнув себе на стопу кипящего жирненького бульончика, дёрнувшейся рукой.

Отбиваю звонок.

Что за день-то сегодня такой?! — осматриваю ноги.

И только хочу уже написать Рустаму, что перезвоню, потому что убейте меня сейчас, я всё-равно не придумаю, что ещё можно написать, чтобы успокоить и не обидеть человека, в кухню вваливается Зулечка. Не входит, а именно вваливается. Раскрасневшаяся, улыбающаяся, глаза блестят. И несётся прямиком на меня, широко раскинув руки. Дух не успеваю перевести, как она сжимает меня в своих крепких объятиях.

— Хороша моя, — чмок-чмок в щёку, — красавица моя, — чмок-чмок — в другую...

Хлопает по спине, обнимает, отстраняется, смотрит, а потом опять обнимает. Радостно что-то бормоча себе под нос.

Что происходит вообще?

— Нужно бульон процедить, — сообщаю, не понимая, как реагировать на такие бурные проявления любви.

Уверена, она у курсе последних новостей. В деревне с этим просто.

— Дай-ка я на тебя посмотрю, — говорит она, и отстраняется, продолжая держать меня за предплечья.

Смотрит. Глаза блестят радостно. Улыбается во весь рот. Я в шоке. Нелепая улыбка к губам прилипает.

Но именно в этот момент почему-то отмечаю, что у Рината её улыбка: открытая, искренняя, невероятно красивая.

У Рината обалденная улыбка. Он вообще весь обалденный. Природа так щедро одарила его внешней красотой, что порою думаю: мерзкий его характер — закономерность. Иде-

альных людей ведь не бывает...

— Иди сядь, отдохни, я сама, — говорит Зулечка, подталкивая меня в сторону стола, и “жух” — пулей летит к печке.

Разбивает головёшки на мелкие угли быстрыми движениями, следом семенит к кастрюле, сдвигая её на край без особого труда.

— Я пойду тогда пока, полы помою... — несмело предлагаю, чувствуя некоторую неловкость.

— Иди, — разрешает она, предварительно осмотрев меня с ног до головы, — только тяжёлое не поднимай...

Ничего не понимаю, но решаю голову себе не забивать, делом заняться.

Полы мою руками, швабры не люблю, с ними углы не промоешь. Но в перчатках. Мама приучила, чтобы руки не портить.

Стою, задрав задницу к потолку, из углов пыль вековую выгребаю...

— О-па! Привет! — раздаётся сзади.

От неожиданности, как стояла так и замерла, только голову повернула.

Ринат стоит позади и странно так на мои тылы пялится. Аж голову наклонил.

— Еда когда будет готова? — Двинул челюстью. Застыл.

Выпрямляюсь так резко, что перед глазами мушки порхать начинают. Моргаю. Одергиваю задравшуюся футболку. Локтём убираю с лица растрепавшиеся волосы.

— Привет! — зачем-то говорю. — Ждите в зале, скоро уже...

Щёки вспыхивают предательски, пылают, как раскалённая сковородка.

— Угу, — говорит он мне и послушно идёт в зал.

Не пойму, он пьяный что ли?

Домываю уже быстро. Наспех ополаскиваюсь, заплетаю вспотевшие волосы в две косы, чтобы высохли на затылке. Переодеваюсь.

Выхожу когда, Зулечка уже вовсю носится из кухни в зал и обратно, на стол накрывает. Улыбается. Тараторит что-то без остановки. Язык я хорошо знаю, моя бабушка тоже совсем почти по-русски не разговаривает, но из-за шума в ушах, ни слова разобрать не могу.

Хочу ей помочь, но она рукой несильно так подталкивает меня в зал. Деваться некуда, послушно иду по заданному её рукой направлению.

Пристраиваюсь на краешек стула, рядом с Ринатом. Сидеть рядом с ним — попытка, тем более, смотрит он сейчас на меня. В упор. Не отрываясь.

Сердце грохочет. Кожа пылает до боли по всему телу. Сама не понимаю, как держусь.

Двигаю к себе тарелку, окидывая быстрым взглядом стол.

По центру почти допитая бутылка водки, рядом вторая стоит. Коньяк тут же. Папа уже весёленький, глаза ослеплённые блестят. На голодный желудок много ли надо.

Усилием воли заставляю себя сосредоточиться на еде, голодная, а ароматы сейчас от неё исходят потрясающие. Бабушка у Рината — волшебница.

Цепляю кусочек мяса, открываю рот...

Ой, мама, я любил её дёргать за косички

И на тачке гоняли с ней на речку

Я спросил её, как на личном...— вдруг расслабленно так напевает над моим ухом Ринат.

Зубы противно лязгают друг о друга, кусок мяса, шмякнувшись обратно в тарелку, обдаёт лицо россыпью мелких ароматных брызг, глаза по полтиннику направлены на Рината...

Он сидит, откинувшись на спинку стула, барабанит по столу пальцами, смотрит на меня, рассматривает, песни поёт....

— Ешь, — говорит он мне, странно усмехнувшись.

И, как ни в чём ни бывало, приступает к еде, больше не обращая на меня внимания.

Простреливает, конечно. И не только той болью, которую я в себе за эти годы из-за него взрастила. Но и из-за вот этого его непонятного поведения сегодня.

Если и дальше так пойдёт, до конца сегодняшнего дня рискую не дожить. Сердце не выдержит. Оно у меня сегодня итак уже на износ работает.

Беру салфетку, стираю с лица капельки бульона. Пальцы подрагивают. Аппетита, как ни бывало.

— Не нравится? — подсказывает ко мне Зулечка, заметив моё бездействие за столом. — Что-нибудь другое, может, хочешь?

Натуженно улыбаюсь и только хочу успокоить её, помощь извне приходит.

— Лошадей привели, — реагирует на лай собаки во дворе папа, поднимаясь с места. — Я просил Маркиза привести, думал, вдруг ты покататься захочешь...

— Я сама, сидите, — подсказываю.

Очень хочу покататься на Маркизе. Весь день сегодня только об этом и мечтала.

— У меня, кстати, Хасим сейчас работает, помнишь может, одноклассник твой? — добавляет папа.

— Правда?! — счастье-то какое — Хасим! — Как он? Пойду поболтаю с ним... — высказываю из-за стола так бодро, что никто отреагировать на мой побег не успевает.

Кроме того, что был у нас в классе мелкий парень, которого звали Хасим, я про него ничего и не помню. А, нет, помню, добрый был малый. Когда кто-нибудь чихал, он подбегал всегда и говорил нарочито ласковым голосом: “будь здоров, расти большой как я”.

Хасим в общем-то почти и не изменился с тех пор: всё такой же мелкий и, наверное, добрый, раз Маркиз его к себе подпускает. Просто юмор у него своеобразный.

Маркиз у нас парень с характером, абы кого слушаться не будет. Мама его наполовину арабкой была, весть табун под

её дудку плясал.

Отдаю ему Стеллу — кобылицу со звездой во лбу, папину любимицу. Маркиза себе забираю. Конь обиженно фыркает, демонстрируя мне в устрашающем оскале зубы, морду воротит. Придётся заглаживать вину за долгое отсутствие, просто так не простит. Хлопаю его по морде, иду в дальнюю часть сарая за вкусняшками.

Возвращаюсь когда, в сарае уже папа что-то с Хасимом обсуждает. Пьяненький, язык заплетается. Зато Ринат, будто и не пил вовсе, прищурившись, с неизменной ухмылочкой на непозволительно для мужчины, красивом лице, шарит цепким взглядом по сараю. Чего приперся? Зла на него не хватает...

Оставляю их, иду лошадьми заниматься. Увлёкшись, не замечаю, как Хасим исчезает не попрощавшись, а рядом со мной Ринат, размахивая вилами, стоит.

Смотрит на меня и издевательски так шепчет:

— Покажи-ка мне жена, как ты вилами Гимаеву ногу проткнула ... — вилы мне протягивает.

Внутри словно ядерный реактор взрывается, вышибая взрывной волной из моей головы остатки разума. Обидно до чёртиков. Да, виновата, но издеваться-то зачем? Я не просила его мне помогать. Ни тогда, ни сейчас.

Ненавижу!

В главе использованы слова из песни “На личном” группы

“5утра” (кавер в исполнении Burito) .

Глава 15

Эти двое морочат мне голову, уверен. Не может Лейла никого пырнуть. Это ведь только кажется, что напасть на человека с оружием в руках просто, на самом деле, не всем дано, не каждый осмелится нанести противнику удар, даже защищаясь. Лейла на такое не способна.

Это был Наиль. Но он, сука, не колется... Надо было пивка ещё взять, одной водки тренированному организму маловато, похоже, будет...

— Чего ты хочешь? — То ли шепчет, то ли шипит — не пойму.

Да это и не важно, другим вопросом я в этот момент озадачен — глаза её, между думами, рассматриваю. Они у неё... красивые... Есть в них что-то такое... Искра какая-то. Глубина...

Наклоняюсь в одну сторону, потом — в другую, чтобы лучше её рассмотреть.

Она никак не реагирует, стоит недвижимо. Даже не дышит похоже.

— На, — протягиваю ей вилы, — покажи, как ты ему ногу проткнула... — настаиваю.

Лейла с шумом втягивает в себя воздух, распахивает глаза, губы пухлые приоткрывает.

Мой взгляд залипает на её губах.

Но в ту же секунду рядом с моей ногой грозный рык раздаётся, а над головой кто-то угрожающе фыркает, шевельнув на макушке волосы.

Я не трус, да и детство в деревне тоже не лёжа на печи у меня прошло, но угрожающий оскал, демонстрирующий мне ряд огромных зубов в сантиметре от моего носа, заставляет напрячься и серьёзно задуматься о позорном бегстве.

— Арчи, сидеть! — останавливает Лейла пса. Второй рукой отодвигает в сторону морду недовольного моими действиями жеребца.

Сторожевой пёс с меня ростом, слушается девочку? Серьёзно?

— Не бойся, он добрый у нас, — успокаивает меня подбежавший к нам Наиль.

Присаживается и, похихикивая сам с собой, начинает трепать пса за ушами.

Лейла, обхватив черенок вил рукой, тянет их на себя, смотрит при этом, на мою руку. Я из-за этого пальцы разжать не могу, они у меня, сука, трясутся...

Перевожу взгляд на её ладонь.

У неё короткие ногти, красивой овальной формы, покрытые бесцветным лаком...

Разжимаю резко пальцы.

Лейла молча забирает у меня вилы, поворачивается ко мне спиной и мягкой, плавной походкой идёт в дальний угол сарая. На провокацию мою не ведётся.

Она не маленькая нифига, оказывается. Сколько в ней? Метр семьдесят? Больше?

Ставит вилы в угол и, также не спеша, идёт обратно, глядя куда-то вдаль.

Я, кажется, чего-то про свою жену не знаю...

— Пап, я прокачусь, — говорит она отцу, и, мазнул взглядом по моему лицу, идёт напрямик к жеребцу.

Не спрашивает разрешения и даже не мне об этом сейчас сообщает, мужу своему, а отцу. Мне это почему-то не нравится.

— Я тоже прокачусь, — перебиваю, начавшего что-то бормотать Наиля.

Лейла вскидывает на меня глаза. Удивленно смотрит.

Усмехаюсь, ладони по сторонам развожу ...

А что, я тоже прокатиться на лошади хочу, детство вспомнить. Я, может, только из-за этого сюда и приехал.

Жопа, правда, от воспоминаний зачесалась, но это к делу не относится.

Лейла прикусывает губу, поворачивается к отцу:

— Маркиза, наверное, ему, да? Звезда не даст... — лепечет неуверенно.

— А Маркиз, даст?

— Даст, с ним можно договориться...

— Вы о чём? — вмешиваюсь я в их переговоры, немного напрягаясь.

Даст, не даст...

— Звезда у нас под седлом не ходит, — докладывает охотно Наиль. — Мы её из соседнего села забрали, выкупили, Лёлька помогла. — Кивает подбородком на дочь. — Когда забирали, у неё вся спина в гематомах да шишках была, полгода лечили. Но седло до сих пор не принимает, скидывает. И уздечки рвёт... Перекусывает зараза...

Я смотрю на Лейлу, которая опять поворачивается ко мне спиной, и думаю: люди — звери.

А ещё: сколько же она зарабатывает, если лошадей позволяет себе выкупать?

Она же танцует где-то там... Вроде... Там что, так хорошо платят?

— Я могу без седла, — говорю.

— Умеешь? — глаза Наиля превращаются в узкие щёлочки. Лейла же от удивления, рот опять приоткрывает.

— Пфф, — пренебрежительно фыркаю, — я так-то всё детство в деревне провёл... Всегда без седла...

Не заливаю, в детстве и правда гоняли лошадей на речку без седла. А ещё девчонок на лошадях гоняли, было дело. Придурки малолетние... Нравилось нам как они, визжа, в разные стороны от нас разбегались...

Но лошаадником заядлым никогда не был, автомобили ближе мне и понятнее.

Только отступать не собираюсь. Завёлся я.

Лейла молча кивает мне и направляется к своему Маркизу.

Её самообладание удивляет, и, если уж совсем честно, восхищает даже.

— Если понравишься, она пройдёт иноходью, — заканчивает Наиль наставления, которые я прослушал пока внимательно за женой следил.

Я столько нового про неё сегодня узнал...

Лейла, наступив одной ногой на пенёк, и схватившись рукой за гриву, без усилий оказывается верхом на лошади. Отъезжает от пенька, останавливается, оборачивается.

Пока к пеньку иду, думаю: как бы мне сейчас не обосраться и смочь запрыгнуть на лошадь.

Концентрируюсь, и, на удивление довольно легко оказываюсь на спине кобылки. Поначалу непривычно. Это на самом деле высоко, хотя с земли так и не кажется.

Устраиваюсь, ёрзаю, пытаюсь вспомнить, что там нужно делать и как без седла и уздечки лошадю управлять

Без седла всадник держится на лошади практически только за счет своих ног. Руки остаются свободными.

Всего каких-то там двести-триста лет назад руки просто обязаны были быть свободными. В них был лук со стрелами, ружьё или шашка, и всё это должно было работать не стоя, конечно, а в быстром движении.

Эх, измельчал человеке...

Наиль открывает нам ворота. Лейла, засунув пальцы в рот, свистит, как соловей разбойник и срывается с места. Арчи, взвизгнув, несётся вслед за ними.

Звезда моя, бежит следом какое-то время довольно бодро, и мне это всё даже начинает нравиться. Но потом она останавливается, и всё. Как переключило...

Я и так и сяк — ей похрен. Она про меня будто забыла. Стоит, травку пощипывает.

Начинаю хлопать руками, ногами, тело-туда сюда наклоняю, забыв напрочь о том, что все движения должны быть плавными, сильными, без рывков. Не понимаю, как её с места сдвинуть, зато хорошо понимаю, что если сейчас спрыгну с неё в чистом поле, хрен потом на неё запрыгну без опоры.

И в какой-то момент, Звезда, сука, срывается с места...

Я цепляюсь руками за гриву. В ушах ветер свистит, по морде ветки хлещут.

Нахрен я вообще в это ввязался?! — думаю я, глядя на приближающуюся к моим глазам землю...

Глава 16

— Бляха, — вырывается, когда ударяюсь о влажную землю, покрытую плотным ковром сосновых иголок вперемешку с прошлогодней листвой.

Зажмуриваюсь от острой рези в ладонях. За закрытыми веками мелькают яркие вспышки, будто где-то там, на краю Галактики, вспыхивают и гаснут одна за другой сверхновые.

Перекатываюсь на спину. Вытаскиваю воткнувшиеся в ладони веточки да иголочки. Шевелю ручками, ножками — вроде не убился.

“Чего бы ни затеяла сделать лошадь, она показывает это заранее. Если в поле внезапно из-под ног лошади выскочит зайчик или вспорхнёт птичка, — она рванет в сторону. Но, за мгновение до этого: сожмётся, напряжется. Этого достаточно, чтобы человеческое подсознание успело получить сигнал. Подготовиться ... — вовремя вспоминаю напутственную речь Наиля. — Обхватываешь руками шею и скатываешься с неё ногами...”

Уже не важно. Я нырнул мордой вперёд, чудом не покалечился.

Закидываю руки за голову, ноги в коленях сгибаю. Земля сырая, толком ещё не прогрелась, штаны на жопе промокли моментально, но разгоряченное тело, после бешеных скачков на своенравной кобылке — пышет жаром. Холода не чув-

ствую.

На склонах холмов уже подснежники вовсю цветут, в оврагах же снега ещё по шею.

Где-то здесь, недалеко, в детстве с пацанами по весне любили костры жечь. Закидаем сухие ветки сырыми, пока вода из них выпарится, дым от кострища издалека видно. Помню, Мартин как-то решил носочки промокшие подсушить, сунул их в дым, вытащил одни пяточки, за которые держал.

“Сколько лет я здесь не был?” — вспоминаю, разглядывая кусочек звёздного тёмного неба, проглядывающего сквозь мохнатые сосновые лапы.

Не помню. Кажется, после свадьбы и не бродил больше по “местам силы” детства.

Только хочу встать, слух улавливает лай собаки, хруст ломающихся веток под копытами лошадей.

— Накажу, — порывается нежно Лейла где-то неподалёку.

Становится смешно.

Закрываю лицо руками, начинаю ржать, не могу остановиться.

Я — взрослый мужик. Я давно уже научился контролировать свои эмоции, на провокации не ведусь. Профессия у меня такая...

Что сегодня произошло?

Морду обнюхивает подбежавший пёс, который, признав во мне пропажу, садится рядом и начинает заливисто лаять.

Чуть развожу пальцы рук, борясь с приступами смеха.

Буквально через пару минут на поляну влетает Лейла, за ней, фыркая, идёт Звезда и, похоже, виноватой себя за содеянное, совсем не чувствует...

Лейла скатывается с коня, как с горки, мягко приземляясь на лапки. Кошка...

Подбегает, падает передо мной на колени...

Я задерживаю дыхание, всеми силами пытаюсь не выдать своего игривого настроения.

Её рваный выдох касается моей щеки. Дрожащий палец нащупывает вену на моей шее, которая, уверен, бешено пульсирует, несмотря на сдерживаемое дыхание.

— Ринат, — зовет негромко она, и сразу следом громко сглатывает.

Я понимаю, что больше не выдержу.

— Отдай моё сердце! — угрожающе шиплю, обхватывая её талию руками, сам не знаю зачем.

Детство в промокшей жопе заиграло, не иначе.

Лейла вздрагивает.

— Дурак! — негромко вскрикивает. Глаза распахивает.
— Я чуть не умерла от страха... — выдыхает.

Оба замираем. Глаза в глаза.

По моему телу будто вибрация пробегает. Со мной вообще что-то непонятное сегодня происходит.

Мажу взглядом по круглому диску на небе. Не знал никогда, что полнолуние так на меня действует.

Убираю руки с её талии. Сажусь.

— Твоя Звезда меня с себя скинула, — усмехаюсь.

— Ушибся?

— Нет, удачно свалился, мягко. — Потираю ладони друг о друга, которые лёгким жжением, напоминают мне о приземлении в кучу иголок. — Не уверен, что красиво было, но вроде никто не видел.

— Я поругала её, — говорит она серьёзно.

Блять, она поругала лошадь, которая меня обидела. Едва сдерживаюсь, чтобы вновь не расхохотаться.

— Она покаялась хотя бы? Сказала, что больше так не будет? — не сдерживаюсь.

Лейла отворачивается. Закрывает лицо рукой, пряча от меня свою улыбку. Зря. Мне не стрёмно над собой поржать. Я это умею.

И у неё очень красивая улыбка, такую грех прятать. Никогда этого раньше не замечал. Почему?

Домой пешком возвращаемся. Я не горю желанием ещё раз опрофаниться, да и жопа уже побаливать начинает. Лейла не настаивает.

Ночью пока ещё прохладно, но весна уже вовсю заявила о своих правах. Воздух наполнен ароматами сырой земли, молодой листвы, и первых весенних цветов. Скоро черемуха зацветет...

Между подвесными мостами, целая черёмуховая роща расположилась. В детстве, помню, забирались на дерево, ло-

пали эту черемуху до тех пор пока рот хоть немного открывался. Потом палочками счищали с языка налёт и лопали дальше. Запорами не мучились, как сейчас всех пугают.

— Ринат, мне на работу через два дня...

— Завтра можно будет уехать, заберём твоё дело по месту жительства.

— Спасибо...

— Не за что пока...

— Я не назначала ему свидание, ты же не думаешь... — Лейла останавливается. Я тоже торможу.

— Не думаю. — Уверен в этом.

Лейла, не скрываясь, выдыхает. Улыбается мне.

Я рассматриваю её лицо в свете луны.

Ни следа вмешательств. Ни капли силикона. Естественность, которую найти в наше время практически невозможно.

— Что он хотел от тебя?

— Я не знаю, мы же не поговорили толком. Он пьяный был, я испугалась, пригрозила, что тебе всё расскажу, — замолкает, глаза поблёскивать начинают. — Прости меня пожалуйста. Я правда, правда, очень сожалею, что так всё вышло... — сжимает кулачки, прижимает их к груди. Облизывает губы.

Хочется провести пальцем по её губам, почувствовать их естественную мягкость. Едва сдерживаюсь.

— Я не знала, что Шаму взяли...

— Я не знал, что ты новости не читаешь, сказал бы...

Можно уже наверное дальше идти, но мы почему-то продолжаем стоять.

— Я читаю, но я же приехала несколько дней назад...

— А. Откуда?

Я давно уже переложил ответственность за её безопасность на своего сотрудника. Вот то, что она в деревню мотается — знаю. А больше он ничего особенного про неё мне не докладывал. Или я не смотрел?

— Из Бразилии...

— В отпуск ездила?

— Нет, по работе...

О! Брови мои от удивления ползут вверх.

— М-м-м, объясни...

— Гастроли у нас были по Бразилии.

— Понятно...

На самом деле мне нихрена не понятно. Я удивлён, поражен и обескуражен. Но пытаться её, конечно, сейчас не буду. Завтра утром я узнаю про неё всё...

— Ринат, а когда мне можно будет выезжать? У нас гастроли через полтора месяца.

— Решим...

— Правда? — её глаза радостно вспыхивают.

Мне почему-то это приятно.

— Правда.

Впервые за долгое время мой мозг не кипит от мыслей,

связанных с работой, несмотря на то, что здесь я оказался, именно из-за неё. Из-за работы. Но мне на удивление хорошо и спокойно. Не помню, когда со мной в последний раз такое приключалось. А ещё, я не помню, когда вот так, без цели, гулял с девушкой...

Это было ещё до женитьбы, много лет назад. Когда я был влюблён в ту, которая меня не любила, как потом выяснилось. Больше ни с кем. Никогда.

Ощущения от всего этого непонятные. Состояние предвкушения чего-то волшебного, почти как в детстве...

Даже немного жаль, что дорога такой короткой оказывается. И совсем непонятно, когда, зайдя в дом, Лейла, между нами словно опять невидимую стену выстраивает.

— Тебе есть во что переодеться или я могу папины вещи тебе дать? — Кивает сухо на мои штаны.

Больше не улыбается.

— Есть, в машине.

— Оставь грязные вещи в ванной, знаешь где?

Киваю в ответ.

— Я постелю тебе в моей комнате, — сообщает она, и торопливо уходит.

Я не могу понять, что изменилось. Несколько минут назад, она совсем другой была.

Забираю сумку с вещами из машины, которые всегда вожу с собой, на всякий случай. По пути в её комнату. в зал заглядываю. Наиль на диванчике прикорнул, фильм смотрит

с закрытыми глазами, громко похрапывая. Бабушки нет.

Переодеваюсь, несу грязные вещи куда она сказала.

— Рустам, я не успела, занята была, — слышу из открытой двери.

Рустам...

Не скрываюсь, но и лишнего шума стараюсь не создавать. Подхожу к открытой двери, останавливаюсь, опираясь на косяк. Лейла спиной ко мне стоит, вода льётся, не слышит. Зато я очень хорошо её слышу.

— Нет, нет, не надо ко мне приезжать, я завтра уже в городе буду...

Глава 17

В какой-то момент чувствую необъяснимый дискомфорт: спину печёт с такой силой, что, кажется, тонкая ткань футболки вот-вот воспламенится.

Машинально оборачиваюсь...

Опершись на косяк, в проеме стоит Ринат. В спортивных чёрных штанах, чёрной футболке, босой, на кончике указательного пальца висит его грязная куртка, покачиваясь из стороны в сторону, как маятник. Чёрные глаза смотрят прямо на меня. В упор.

Сердечный стук перемещается к вискам, гулом отражаясь в ушах. Я делаю глубокий вдох, рёбра раздувает так, что дышать становится невозможно.

Уголки губ Рината дёргаются, изгибаясь в кривой ухмылке.

— Лёльк, ты слышишь меня вообще? — доносится из динамика телефона, который я держу в руке.

Интуитивно сжимаю телефон так сильно, что пальцы немеют. Мелкая вибрация пробегает по мышцам, поднимая волосы на теле дыбом.

— Ответь Рустаму, — говорит Ринат, кивком головы показывая на телефон.

Ни одной эмоции на лице.

— Я перезвоню, — послушно отвечаю и, трясущимся

пальцем, сбрасываю звонок.

Вытягиваюсь перед ним в струнку, как солдат, руки по швам.

Ринат чуть склоняет голову на бок, протягивает мне свою куртку. Я так же молча снимаю её с его пальца. Он разворачивается и уходит.

Вибрирующий в руке телефон, тщетно пытается достучаться до моего плывущего сознания, пока я беспомощно пляшусь в полумрак коридора на удаляющуюся тень Рината.

Из ослабленных трясущихся рук выскальзывает его куртка, падает на пол, приводя меня в чувство. Сознание проясняется.

Принимаю звонок. Внутри пусто.

— Чего тебе? — голос ровный, спокойный, безэмоциональный.

— Что там за мужик с тобой разговаривал?

— Муж.

— А... Чего хотел?

— Он ушёл.

— А... Ну, так ты завтра приедешь?

— Да.

— Хорошо. До завтра тогда?

Выключаю телефон, не желая продолжать этот бесполезный разговор.

Поднимаю с пола куртку. Закрываю дверь, и только потом прижимаю её к груди, нюхаю. Терпкий запах смеси ко-

жи, парфюма и молодого мужского тела, заставляет сердечко забиться быстрее. Говорят, обоняние — самое честное из наших чувств — то, что в отличие от слов, действий, выражения лица, даже глаз, мы не можем подделать.

От его запаха у меня кружится голова.

Я не знаю, когда я в него влюбилась...

Когда мы жили с ним в однокомнатной квартире, сидели за одним столом на маленькой кухоньке, сталкиваясь то и дело взглядами и соприкасаясь телами в узком коридоре? Или в ту самую злополучную ночь, когда он меня спас...

Или ещё раньше, когда я впервые с ним встретилась?

Не знаю.

Я долго прятала от себя это чувство, но сердце всегда отзывалось в груди бешеным биением стоило только ему оказаться рядом. Поначалу мне казалось, что от страха. А потом поняла — нет. От растерянности и незнакомого доселе дикого желания...

Сегодня между нами что-то произошло. Что-то необъяснимое. Что-то новое. Мы впервые разговаривали с ним ни о чём, а не как всегда — по делу. Я впервые его не боялась. Мне было легко и спокойно. И, кажется, ему было не всё равно то, о чём я ему говорила...

А потом стало опять страшно...

Воспоминания со скоростью света проносятся в голове, заставляя дыхание замереть.

Участок, его взгляд скользящий по моему лицу, его го-

рячая ладонь обхватывающая мою, когда мы идём с ним в магазин. Его смех, шутки и руки на моей талии под светом висящего над нами диска луны. И опять его пристальный взгляд... на моих губах...

Он смотрел на меня с интересом...

Мама говорит, что мужчины, даже самые умные... Особенно, умные... В делах сердечных ничего не смыслят и могут тупо не догадываться, что они кому-то нравятся, им надо об этом намекать. Не обязательно словами, есть разные способы...

Щёки вспыхивают, когда представляю себе эти самые способы...

Я, конечно, никогда не решусь на способы эти, но объяснить звонок от Рустама, наверное, нужно? Он же из-за меня сюда приехал.

Эта мысль приносит облегчение и придаёт сил.

Ставлю в ванную табуретку, вешаю на неё куртку, влажной тряпкой смываю с неё грязь. Включаю телефон, чтобы посмотреть: как привести в порядок кожаную вещь. Хочу сделать всё правильно.

Смахиваю с экрана посыпавшиеся сообщения: от мамы, брата, Рустама.

На секунду задумываюсь: почему Рустам совсем не удивился, когда сказала ему про мужа? Неужели кто-то доложил? Кто? Я ему ничего не говорила. Мы с ним и наедине-то пару раз всего оставались... Ну, может, больше, не счита-

ла я. Несколько раз ходили перекусить, когда репетиция или съёмка затягивались. Он ведь не очень давно у нас работает.

Ладно, может просто не стал уточнять по телефону, понял, что я не в себе малость. Так-то ничего страшного.

Учитывая, что специального средства для кожи у папы нет, развожу средство для шёлка, несколько удивлённая его присутствием в папином доме. Не помню ни одной шелковой рубашки у него.

Ещё раз прохожусь влажной губкой по куртке. Смываю, вешаю на плечики и выношу в коридор.

Задерживаю дыхание прислушиваясь к тишине, разбиваемой едва слышными звуками доносящимися из зала. Папа, как всегда, заснул с включенным телевизором.

Быстро привожу себя в порядок, накидываю лёгкий халат, распускаю косы.

Около своей комнаты, где сегодня спит Ринат, останавливаюсь. Чётко слышу, как щёлкает выключатель, как скрипит половица, как открывается окно.

Я вдруг живо представляю, как Ринат подходит к окну подставляя под струю свежего воздуха тренированные мышцы своего идеального тела.

Когда через пару минут слух улавливает звук захлопывающихся оконных створок и скрип половиц, машинально прикрываю глаза.

Сердце барабанит о грудную клетку с таким рвение, что того и гляди вырвется наружу.

Нас с Ринатом разделяет лишь дверь и каких-то несколько метров.

Глава 18

Набрав в лёгкие воздуха побольше, подхожу к двери, нажимаю на ручку. Не издав ни звука, дверь мягко открывается и я вхожу.

Ринат лежит на кровати, поверх одеяла, в одних трусах. В телефон пялится.

Поворачивает голову на меня, чуть отведя руку с телефоном в сторону. Голубоватый свет экрана падает точно на его живот, высвечивая тёмную дорожку волос, уходящую под резинку его трусов сидящих на бёдрах так низко, что кажется одно движение и они сползут вниз, оголив всё запретное.

Пuls подскакивает к горлу, становится трудно дышать. Умом понимаю, что нельзя мне туда смотреть. Чужая территория, запретная, не моя. Но взгляд намертво прикипает к обжигающе интимной тёмной дорожке волос, ничего не могу с собой поделать.

— Слушаю, — разрывает пространство его тихий чуть хриловатый голос, заставляя меня содрогнуться всем телом.

Машинально облизываю пересохшие губы, перевожу взгляд на его лицо.

Чёрные глаза, отражая свет гаснущего экрана, пронзают меня своим жгучим взглядом до самых костей.

В жар бросает.

Перевожу взгляд на стену, тщетно пытаюсь отыскать на ней маленькую дырку в обоях, которую я закрасила фло-мастером. Об этом никто не знает кроме меня, даже мама. Это бестолковое занятие помогает мне взять себя в руки. Неслышно выдыхаю и делаю несколько шажков к кровати.

— Я хотела тебе сказать...

— Говори...

— Рустам мой коллега.

— Хорошо, — кивает Ринат и втыкается опять в телефон. Всем своим видом показывая, что разговор окончен.

Меня трясти начинается.

Если я ему до такой степени противна, что даже разговаривать со мной не желает, почему он сегодня приехал? Почему вёл себя так, будто ему со мной интересно? Почему он вообще со мной не разведётся, чёрт возьми?!

С его положением, деньгами, он может уже уничтожать всех, кто перешёл ему дорогу, не скрываясь и не таясь.

Кровь гневно ударяет в виски. Мне обидно до крика, до зубовного скрежета, до слёз... И так сильно больно, что контроль теряю.

— Почему? Почему ты так со мной поступаешь? — голос срывается от захлестнувших меня эмоций.

Зачем я к нему пришла? Чего я хотела добиться? Чтобы он меня выслушал, понял, пожалел? Да у этого чудовища нет сердца. Ему плевать на всех и вся, кроме себя!

Чувствую себя полной идиоткой от своей инициативы.

Делаю шаг назад, чтобы сбежать и, спотыкаяюсь, когда Ринат резко садится на кровати, небрежно откинув телефон в сторону.

Замираю, почувствовав на своей коже тот самый бесконтактный ожог, который чувствую всегда, когда он на меня вот так пристально смотрит. Тело мгновенно мурашками покрывается, соски напрягаются. На мне халат до пят, но ткань тонкая и мне кажется, что он видит, как торчат мои соски. От этого неловко становится, дыхание сбивается.

Экран его телефона неожиданно гаснет. Слепну, окончательно теряя точку опоры. Несколько секунд тишину нарушает лишь моё сбившееся частое дыхание, а потом, обострившийся в темноте слух, улавливает едва уловимый скрип матраса. Вздрагиваю. Несколько раз быстро-быстро моргаю, чтобы вернуть себе зрение.

Распахнув глаза, вижу как Ринат, мягко ступая босыми ногами по ковру, идёт ко мне.

Света висящей над окном полной луны, пробивающегося сквозь неплотную ткань штор, привыкшим к темноте глазам вполне достаточно, чтобы разглядеть хищный блеск в его глазах.

Невольно пячусь назад, как беспомощный маленький зверёк загнанный в западню хищным зверем вышедшим в ночи на охоту, пока не упираюсь спиной в стену. Приподнимаю подбородок, чтобы смотреть на его лицо, а не на голый торс. Грудь от потяжелевшего дыхания вздымается, ходуном хо-

дит.

Ринат подходит вплотную. Ставит одну руку с одной стороны моей головы, вторую — с другой. Я — в ловушке.

Интуитивно прикрываюсь руками, сложив их на груди одна на другую. Сердце бешено колотится.

Не дав мне времени на раздумья, Ринат наклоняется к моему лицу. Ведёт носом вдоль шеи, с шумом втягивая в себя мой запах.

Пьянящий дурман кружит голову похлеще любого алкоголя. И когда он проводит языком по моей щеке, оставляя на ней влажный пылающий след, соображаю с трудом. Но мне всё ещё больно.

Нахожу в себе силы, выставляю перед собой руки, упираясь ладонями в его грудь. Ринат перехватывает мои запястья и, глядя мне прямо в глаза, прижимает их к стене над моей головой. Не сильно, но так уверенно, что не смею противиться.

Сразу следом горячее дыхание с привкусом алкоголя касается моих губ. Язык проскальзывает в мой рот, переплетаясь там с моим. Я не проявляю инициативы, но и не сопротивляюсь. Не могу... Прикрыв глаза, просто отражаю движения его губ, его языка, всего его тела... И будто с ума схожу.

Мысли из головы испаряются. Страхи и сомнения рассыпаются в прах.

Зажимаюсь, чтобы не выдать слишком яркую реакцию, когда его рука сжимает мою грудь. Ладонь его мгновенно за-

мирает, мышцы напрягаются и только язык продолжает изучать мой рот, разгоняя своими умелыми движениями мою нерешительность и стеснение.

Через несколько мгновений расслабляюсь, и, едва слышно постанывая, выгибаюсь ему навстречу и буквально захлёбываюсь.

Захлёбываюсь ощущениями, в которые никогда ещё в жизни мне не приходилось падать.

Я целовалась раньше, конечно. Целовалась с тем, кого, казалось, очень сильно любила. За кого планировала выйти замуж. Но то, что я испытываю сейчас ни в какие сравнения не идёт с тем, что было раньше.

Описать, что я чувствую рядом с Ринатом — невозможно. Каждое его касание отзывается чувственными колебаниями в груди, жаром в животе, вибрациями в бёдрах...

Мою грудную клетку сотрясает так, словно в ней бушует самый настоящий ураган.

Его ладонь скользит по талии, проходится по бёдрам, останавливается на поясе халата.

Низ живота скручивает тугой узел возбуждения. Не реагирую, когда халат распахивается, а его пальцы сжимают мои ягодицы.

Он давно уже не удерживает мои руки над головой, но я так и стою, прижав их к стене, позволяя ему делать со мной всё, что ему хочется. Влага в трусиках смущает и заводит одновременно. Не нахожу в себе сил сопротивляться, когда его

колени раздвигает мои ноги, и почти не скрываясь стону почувствовав бедром его возбуждение. От осознания, что это я вызвала в его теле такие реакции, меня буквально колотит от эйфории.

Охнуть не успеваю, как мои разорванные стринги летят на пол. Отрывая мои руки от стены, Ринат проходится по моим плечам пальцами, попутно скидывая с меня халат. Ни разу за всё время не оторвавшись от моих губ.

Я только беспомощно мычу, когда его рука скользит по моему животу, и, не почувствовав сопротивления, спускается ниже...

Зажмурившись, нащупываю его плечи, вонзаюсь в них ногтями, чтобы удержаться на ногах и не упасть. К такому я была сегодня не готова. И, наверное, надо бы остановиться, но...

Тело моё больше мне не подчиняется, оно дрожит от возбуждения, и жаждет продолжения. Трусь о его разгорячённую плоть...

И в этот самый момент, Ринат отрывается от моих губ.

Встретившись взглядами, оба замираем. Его взгляд затуманен, в нём неприкрытое желание плещет. Мышцы его тела подрагивают, жаром пышут. Ткань боксеров, в том самом месте, влажная настолько, что я кожей влагу эту чувствую.

Ринат медленно проводит пальцем по моей щеке.

— У меня нет презервативов... — хрипит.

— У меня есть, — хриплю ему в ответ, теряя окончательно-

но контроль над разумом...

Глава 19

В несколько коротких мгновений оказываюсь прижата к грубому шершавому стволу дерева. От сильного удара затылок печёт, голова кружится, лица перед глазами расплываются. Я никак не могу понять, что происходит...

Где Рам? Почему я его не слышу?

Только хочу крикнуть — на шее смыкаются чьи-то сильные пальцы, заставляя меня задохнуться от удушья.

Хватаюсь руками за запястья, сжимающие мое горло, пытаюсь вернуть себе возможность дышать...

— Тш-ш-ш ... — раздаётся над ухом. — Будешь паинькой, так и быть, больно не будет...

Липкий страх сковывает горло...

Парализовано пялюсь в черные щелочки глаз, изучающих моё лицо. Мне кажется, что где-то я их уже видела, но я не успеваю об этом подумать...

Порыв ветра приводит ветки окружающих нас деревьев в движение рисуя в моём помутневшем сознании причудливые видения — лицо перед глазами двоится.

Рефлекторно моргаю, рывками выталкивая воздух из лёгких, пока чужое лицо медленно приближается к моему, позволяя мне рассмотреть смутно знакомые черты. Тело сковывает ледяной ужас, когда узнаю его.

— Хорошенькая какая... — щеки касается палец, а в нос

бьёт настоявшийся запах перегара, вызывая у меня приступ тошноты.

— Шамиль, — хрипло выдыхаю, всё ещё пытаюсь разжать его пальцы на своей шее, но делаю только хуже. Его пальцы сжимаются ещё сильнее.

— Не дергайся.. — угрожающе шипит он, впечатывая меня в ствол. Но хватку на шее, тем не менее, немного ослабляет.

— Отпусти... — жадно втянув в себя воздух, прошу, елозя по стволу спиной.

Жёсткая кора дерева больно впивается в кожу, прорезая её своими неровностями сквозь тонкую ткань сарафана.

— Успокойся, а то хуже будет, — болезненная оплеуха обжигает щеку, заставляя меня замереть от шока.

Но плавающий от напряжения мозг в реальность происходящего верить никак не желает.

Где Рам?

Судорожно шарю по кустам глазами надеясь обнаружить в них знакомый силуэт и в ужасе застываю, сталкиваясь с горящим дьявольским взглядом, который сразу же узнаю.

Быть такого не может!?

По шее быстрыми ручейками стекает ледяная капелька пота, за ней вторая...

Глаза, что с интересом меня рассматривают, выглядят совершенно обезумевшими...

Это очень страшно...

— У моего жениха отец участковый, вас посадят... — язык ворочается сам собой, без моего ведома, и, по сути, мне в эту минуту не принадлежит...

Шамиль убирает пальцы с моей шеи, позволяя мне, наконец, нормально вдохнуть. Грубо дёргает за подбородок. Усмехается.

— Твой жених подарил тебя нам на эту ночь... — чужая ладонь с силой сжимает мою грудь, обжигая подушечками пальцев нежную кожу.

— Не смей меня трогать! — пытаюсь пнуть его ногой, впиваясь ногтями в его ладонь.

Шамиль наваливается на меня всем телом, огненным одеялом вжимая меня в жёсткую поверхность ствола.

Спину обжигает жгучая боль.

Застываю в удерживающих меня руках, не обращая внимания на текущие по щекам слёзы. Мозг заходится в истерике в попытке найти выход.

— Хорошая девочка, — от мерзкого, пропахшего алкоголем дыхания, становится опять дурно. Отворачиваюсь, насколько это возможно, жадно втягивая в себя свежий воздух.

— Тебе понравится... — шепчет на ухо Шамиль.

Не реагирую.

Мысленно моля о помощи, вскидываю взгляд к небу, где острые пики могучих сосен разрезают своими шпилями тёмное небо с мелкой россыпью звёзд.

И злюсь на Рама. Это он во всём виноват!

Я не хотела встречаться с ним сегодня в этом заброшенном, одичавшем парке на окраине села. Устала с дороги, просила его прийти ко мне, но он настоял. И я согласилась. В полуразрушенном старом клубе, вокруг которого разбит парк, укромных уголков, завалились. В центре села уже давно новый, современный построили, а в этом, старом, деревенские парочки свидания назначают пока местная администрация думает, что бы с ним сделать.

— Догнал?

— Нет, там такая скорость...

— А если целка?

— Вот и проверим...

Кромки моих трусиков касаются чьи-то пальцы. По мышцам импульсами пробегает электрический ток, приводя меня в чувство.

Взвизгиваю так громко как только могу, пока мой рот не зажимает жесткая солоноватая на вкус ладонь. Больше всего на свете я почему-то боюсь, что эти отморозки узнают о том, что я не девственница. Это полный бред, но я боюсь что они растрезвонят об этом всей деревне и родители Рама не разрешат ему на мне жениться... Они и так-то не очень рады выбору сына. Понимаю их. Отец невесты пьёт почти беспробудно, мать ждёт ребёнка не пойми от кого.

Начинаю извиваться по стволу, цепляясь пальцами за ненавистные руки.

Спина горит от боли, рот заполняет терпкая, с металли-

ческим привкусом жидкость, — плевать! Зажмуриваюсь и остервенелю вгрызаюсь зубами в чьё-то плечо, ногтями вонзаясь в мягкую плоть, окончательно обезумев.

В какой-то момент кажется, что вокруг меня что-то происходит, от этого ещё страшнее становится. Зажмуриваюсь что есть мочи, отчаянно орудуя зубами, руками, ногами... И вообще, я не совсем уверена, что всё ещё жива, потому что я больше ничего не чувствую: ни боли, ни страха...

— Лейла! — зовёт меня, кажущийся знакомым голос, донося до моего носа лёгкий запах алкоголя. Это сбивает с толку.

Продолжаю отбиваться до тех пор, пока силы не покидают меня и я не падаю...

Кто-то подхватывает меня на руки. На автомате хватаюсь за плечи, ощущая, как под пальцами играют натянутые будто тросы мышцы, окончательно осознавая, что с такой силой мне не справиться. Голова обессилено падает, утыкаясь носом куда-то в шею...

Насыщенный, пьянящий запах, с привкусом силы и опасности, заполняет лёгкие.

Распахиваю глаза.

— Лейла, смотри на меня, — просит Ринат. И я послушно смотрю, вцепившись в его предплечья мертвой хваткой. — Слышишь меня? — начинаю судорожно кивать. — Всё хорошо, я не обижу тебя... никто тебя больше не обидит...

Сознание постепенно обретает ясность.

Прикрываю грудь руками, когда Ринат ставит меня на пол, прислоняя спиной к стене. Несколько секунд придерживает, пристально вглядываясь в моё лицо.

Я прикипаю взглядом к ярким характерным разводом на его торсе, которые отчётливо видны даже в полумраке комнаты. От их вида меня начинает потряхивать. Обхватываю себя руками, чтобы унять дрожь.

Через мгновение Ринат накидывает на меня свою рубашку, подхватывает на руки, кладёт на кровать.

— Не уходи, — прошу, заметив, что он встаёт.

— Я за водой...

— Не уходи...

Он послушно присаживается рядом, берёт меня за руку.

На мне его рубашка, накинутая на голое тело, под моими ногтями его окровавленная кожа. Участковый собирает остатки моих вещей по кустам, замечая следы.

Я испортила ему жизнь, у него есть миллион причин меня ненавидеть. Но он ложится рядом, кладёт мою голову себе на грудь, гладит по волосам...

Глава 20

Просыпаюсь отнюдь не от прекрасного пения птишек за окном и даже не от звонка будильника. Просыпаюсь от громкого щебетания бабули, по ощущениям, прямо над моим ухом, звенящим у меня в голове громким перезвоном колоколов.

Кто блядь открыл это долбаное окно? Кому было жарко? Обхватываю голову руками. Сажусь.

Я, блядь, открыл это долбаное окно ночью. Жарко было мне, злиться, кроме как на себя, не на кого. Но озарение это совсем меня не успокаивает, наоборот...

Лейла ночью ушла. Я, конечно же, притворился спящим. Одним глазом посмотрел: идёт ровно, в щёку вроде тоже целовала осознанно, показалось, что жизни моей ничего больше не угрожает, убивать меня она не планирует. Не стал её останавливать. Полежал, тишину деревенскую послушал, но уснуть так и не смог. Чтобы не мучиться пошёл Наиля разбудил, одному пить не хотелось. Я ж не алкоголик там какой-то, мне чисто нервы подлечить была необходимость.

К громкому щебетанию бабушки присоединяется хриплый смех Наиля. Нихрена себе здоровья у него!

А мне вот коньяк с водкой не зашёл: в голове оркестр барабанщиков самоотверженно барабанит палочками по черепушке, во рту львиный прайд всю ночь гадил.

Который час, кстати? — Осматриваюсь по сторонам в поисках телефона, отчего в висках простреливает навывлет. Сжимаю виски пальцами.

Никогда в жизни больше водку с коньяком не мешаю — говно коктейль.

С горем пополам поднимаюсь с кровати, подхватывая с пола бутылку с водой предусмотрительно приготовленную с ночи. Припадаю к горлышку. Прохладные струйки воды стекают по подбородку на обнаженную грудь. Размазываю живительную влагу по пылающей, расцарапанной Лейлой коже — морщусь.

Что это было со мной вчера?

Коротило так, будто баб целую вечность не видел. И с кем, с Лейлой, которую никогда всерьёз не воспринимал. А тут на тебе, улетел с поцелуя...

Недотрах и нервное перенапряжение, не иначе.

Отбрасываю опустошенную бутылку в сторону, смех за окном становится громче. И уже не просто раздражает — бесит!

Меня вчера, сука, вело конкретно... Если бы не её выпад с презервативами, не уверен, что остановился бы...

Откуда, кстати, у неё презервативы? И, самое интересное, зачем они ей? Надо бы узнать...

Нам вообще, похоже, надо поговорить... Обо всём...

Покряхтывая, как столетний дедок, скрипя мощами, иду к окну, чтобы его закрыть. На мгновение подставляю лицо под

дуновение слабого ветерка, играющего с тонкой невесомой занавеской. Вдыхаю полной грудью пьянящий запах молодой травы и влажной, свежевскопанной почвы. Кайф!

Но этот, блядь, хохот за окном... Руки так и чешутся пульнуть в них пакет с водой, как в детстве мы с пацанами делали.

“Нельзя!” — одергиваю себя мысленно.

И только хочу захлопнуть створку.

— Лейла, доченька, иди к нам, — зовёт бабуля.

Замираю у окна, прислонившись больной башкой к косяку.

— Ну, я пошёл тогда, дел море, не скучайте тут без меня, — сообщает Наиль.

— Как вы? — спрашивает Лейла.

А я сразу вспоминаю те губы, что сегодня ночью целовал. Мягкие, сочные, податливые, на всё готовые... Безумно вкусные...

Да что со мной такое?

Вылезу отсюда, возьму себе баб. Можно сразу двух. Блондинку и брюнетку. И рыжую, до кучи.

Поправляю штаны между ног, в которых я сегодня спал, напоминая себе: что я болею, у меня похмелье. Да и не с кем, собственно, развлекаться.

— Да что со мной будет? — так и вижу как бабушка отмахивается двумя руками. — Ты-то как себя чувствуешь, не тошнит, бледненькая что-то...

Напрягаю слух насколько позволяет состояние.

Я вроде её не сильно за шею схватил, синяков остаться не должно, но её триггернуло мощно. Сам чуть богу душу не отдал от страха, не сразу дошло в чём дело.

Врача ей, наверное, надо будет найти... Куда блядь её машина смотрела? Слила замуж и отряхнула ручки?

Рассматриваю свою грудь с яркими, уже почти затянувшимися, полосками. Усмехаюсь. Кошка, я же говорил.

— Нет, хорошо всё, а вы почему спрашиваете, что-то не так со мной?

— Мне Ринат вчера по секрету сказал... Я обещала никому не говорить, но тебе можно...

Закрываю лицо рукой.

Пиздец, блядь. Больше никаких слов в голову не приходит.

Мотор в груди набирает такие обороты, ещё немного и придётся вызывать скорую, в кардиологию сдаваться.

У меня будет ребенок.

За окном в этот момент такая тишина повисает, что грешным делом начинаю думать, что Лейле поплохело.

— Ой, пойду гостя встречу, — неожиданно бодро вскрикивает она через несколько минут, реагируя на сигнал автомобиля за воротами.

Что ещё за гость?

— Иди Рината лучше буди, спит до обеда, я сама гостя встречу.

— Пусть отдыхает, пока есть возможность. — Добрая

Лейла. — Это, наверное, документы привезли...

Что со мной вчера было?

Это воздух деревенский так на меня подействовал?

Мне почему-то нехорошо оттого, что она узнала вот так о ребёнке. От бабушки, не от меня. Не знаю почему. Может, потому что этой ночью я её целовал и мне это безумно нравилось? Не знаю.

Растираю виски пальцами.

Ладно, и не такие метели бывало в е*ало летели. Прорвёмся...

Глава 21

— Добрый день, Константин, рано вы...

Откуда Лейла знает как его зовут? Он говорил? Не помню. Номер его “Ниссана” — помню. Что двадцать шесть лет и есть ребёнок — помню. Имя — не помню.

— Ринат Муратович просил, как можно раньше всё привезти, так что с самого утра все на ногах... Уже сегодня сможете уехать...

Какого хера он лезет не в своё дело?

— Отлично! Вы же пообедаете с нами?

— Не откажусь...

Забыв про головную боль, выскакиваю из комнаты на ходу натягивая на себя футболку. В зале на столе обнаруживаю свой телефон, на экране которого висит несколько неотвеченных звонков и не очень добрых сообщений от Люции Ралифовны.

Ёб... Не помню, когда я в последний раз так нажирался...

Когда вылетаю из дома Лейла ворота закрывает, гость рядом с ней ошивается. Заметив меня, она вздрагивает и будто отшатывается в сторону.

— Добрый день, Ринат Муратович. — Вежливо приветствует меня сотрудник, благоразумно не замечая моего помятого вида.

— Отойдём, — протягиваю ему руку, кивком головы по-

казывая направление движения.

Лейла принимается тщательно изучать травинки у своих ног. И выглядит так, как выглядела все эти годы до сегодняшней ночи, ещё немного и с забором в одно целое сольётся. Только я почему-то прекрасно помню, что находится у неё под этой белой, немного мешковатой футболкой. Вот как зовут сотрудника, привезшего документы, — не помню. А то, что она прячет под одеждой — помню. Феномен.

Пока идём до колодца, пытаюсь напрячь мозг и начать думать. За почти сутки я так и не понял: зачем Гимаеву всё это было надо? Зассал из-за отца и по-пьяни решил поговорить? Как узнал, что она приехала? Следил?

— Что новенького? — спрашиваю у Кости, напившись из ведра ледяной колодезной воды. Остатки выливаю на голову. От ледяного душа, мозг включается мгновенно.

— Привёз документы о переводе дела по месту жительства. Участковый не доволен.

— Его проблемы. Гимаев заявление не забрал? — прозрачная надежда.

— Нет, настаивает, что пришёл просто поговорить, но она на него неожиданно напала...

— Заманила бедолагу в сарайчик, соблазнила и проткнула вилами...

— Ух, страхи-то какие тут у вас...

— А ты как думал, законы в деревне суровые... — краем футболки вытираю лицо.

Костик подвисает на полуслове, не скромно уставившись на мою грудь. Не сразу доходит, что его так озадачило, пока не вспоминаю об оставленных Лейлой на своей груди отметинах. Демонстративно ещё раз прохожусь по лицу краем футболки, ничего не поясняя. Не считаю нужным.

— Сейчас пообедаем, до города её проводи, мало ли ...

— А вы не поедете?

— Нет, дела есть...

— Довезу, конечно. Тем более, Лейла обещала показать, как по лесу до вас добраться, говорит, быстрее получается...

В башке простреливает. Морщусь.

— Нет, по деревне поедете...

Шустрый какой, блядь. А ничего, что жена у тебя дома с ребёнком сидит и Лейла, так-то, моя официальная жена. Кто тебе разрешил по лесу с ней рассекать, ты у меня разрешения спросил?

Мне почему-то даже его заявление не нравится или просто голова с перепоя болит и всё плохо. Очень женщин в этот момент понимаю...

Пока дамы за столом заняты дорогим гостем, пытаюсь накормить его до отвала как у нас принято, изучаю информацию, что Люция Ралифовна с утречка скинула.

Я Гимаева-старшего не топил. Информацию, конечно, на родную почти с детства семейку, собирал. Но не топил его, не дошёл до десерта. Шама оказался крепким орешком, пришлось серьёзно попотеть, чтобы скинуть его с пьедестала, а

заодно и папу его на пенсию отправить. И пока я за ним бе-гал, Гимаев кому-то перешёл дорогу. Кому-то серьёзному. Я только охреневал, наблюдая за разворачивающимся спек-таклем со стороны. И даже не сразу понял откуда ноги рас-тут, а когда понял... охренел ещё больше. Чем он не угодил моему отцу, ведь друзья не разлей вода с детства были?

Хуй знает, что делать...

Гимаев-младший ничего особенного из себя не представ-ляет. Так, мелкий деревенский бизнесменишка. Ничего ин-тересного. Отец его был поинтереснее, а на сыне природа ре-шила отдохнуть.

Есть, правда, одна маленькая деталька, которая не даёт мне покоя. Их с Амирой первый ребёнок, сын, родился при-лично недоношенным. Или заделал он ей его сильно раньше свадьбы. Это бьет по самолюбию, потому что на момент за-чатия, если бы ребёнок родился в срок, мы с ней были ещё вместе, а я её не трогал. Берёг, что называется, для себя.

Но, судя по тому, что ребёнка этого мало кто видел, так как он у них не ходил в сельский детский сад, а сейчас учит-ся в какой-то специализированной школе в городе, скорее всего, имеют место быть всё-таки отклонения в развитии из-за недоношенности.

Почему нет ни одной его фотографии, что они скрывают? Кроме того, что зовут его Малик — ноль инфы. Будто кто-то тщательно за этим следит, подчищая следы. Надо бы по-копать, школу, в которой он учится, найти.

Задумавшись, начинаю барабанить пальцами по столу.

— Лейла, доченька, может останешься ещё на денёк, тебе же не завтра на работу? — вытаскивает из задумчивости бабушка.

Я перевожу взгляд на Лейлу. Она словно меня не замечает, хоть и рядом сидит, что-то увлечённо рассказывает в этот момент Костяну. Лучше бы поела нормально, вместо того, чтобы болтать.

— Нет, поеду, дела есть и к маме ещё хочу заехать...

Какие у неё там ещё дела есть?

До машины сам её провожаю.

— Пока живёшь у меня... — Кивает.

Смотрит куда-то в сторону.

— Костя поедет за тобой до самого дома... — Опять кивает.

— Лейла, ты поняла, что это не шутки? — вскидывает взгляд и тут же отводит.

— Поняла.

Кому говорит, хер знает. Если бы не бабушка с Костяном, заставил бы её на себя смотреть, потому что прям бесит сейчас её ухо и нос в сторону...

— Доедешь, отзвонись...

Жду, когда кивнёт и иду домой.

Переодеваюсь в костюм, как и положено для деловой встречи.

В кармане складной нож. На всякий случай. Про волкода-

ва Гимаева, знают все. Пришло время с ним поговорить...

Глава 22

По иронии судьбы или по закону подлости — тут не понять, Гимаев сейчас живёт именно в том месте, где когда-то чуть не изнасиловали его любимую девушку. То что он её любил — не сомневаюсь. Не вот тебе партия была завидная. Слухи о связи её матери со старостой на тот момент уже не один год мусолились, а это для деревни сильнее чем финансовая составляющая. С финансами-то как раз всё у них было неплохо: отец Лейлы нормально зарабатывал, пил правда, на фоне слухов о жене. Но Гимаева ничего не смущало. Он таскался за ней, как хвостик, несмотря на недовольство своего отца. Помню, даже я над ним в те времена посмеивался, не мог понять, что он в ней нашёл.

Когда Гимаев женился на Амире, её отец расщедрился и подарил им участок земли на краю села. Место, надо сказать, шикарное, поди для себя и берёг.

В тот день мы с Гимаевым договорились встретиться вечером вместе с девчонками в том самом месте где сейчас он живёт. Спит, детей растит, любитесь видами из окна.

На окраине села много лет стоял старый полуразвалившийся клуб, окружённый одичавшим, заросшим сорняками парком. В центре села уже давно новый построили, а в том заброшенном парочки свидания назначали, пока администрация грызлась за лакомый кусок.

Место то, хорошо знаю, сопливыми пацанами ещё любили там в войнушку играть, по весне собирали выпавших из гнёзд птенцов, пытаясь спасти их от местных кошек. Ещё клуб функционировал, но укромных уголков и тогда было в нём предостаточно. Бывало за местными парочками подглядывали из кустов, придурки малолетнии. Родители запрещали нам туда ходить по ночам, бабайками пугали, но кто их боится бабаек этих, когда запретное своими глазами можно увидеть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.